

Принцесса с дурной репутацией

Автор:

Надежда Первухина

Принцесса с дурной репутацией

Надежда Валентиновна Первухина

Девушка без права на ошибку. Звезды юмористического фэнтези Принцесса с дурной репутацией #1

Меня зовут Люция Веронезе, и я обучаюсь в пансионе при аббатстве, но мечтаю стать капитаном пиратского корабля. Мое происхождение туманно, зато ум ясен, язык остер, а талант несомненен и многогранен.

Жизнь в пансионе скучна и однообразна, но однажды все меняется.

А началось все с появления говорящей крысы. Сажу я в карцере, наказанная за невинную шалость, а вышеуказанная личность предлагает улучшить условия моей жизни. Естественно, я согласилась. Но кто бы мог подумать, что ради комфорта мне придется возиться с капризной титулованной девчонкой, участвовать в ее проделках, упражняться в изящной словесности и – о ужас! – помогать огромному кузнечнику украшать замок к торжеству! Что еще меня ждет?...

Надежда Первухина

Принцесса с дурной репутацией

Роман

© Н. Первухина, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Посвящаю моим доверенным лицам:

Наталье, Юлии, Екатерине.

Дамы, я в восторге от вас!

Глава первая

Приличные девушки знают, что такое сонет

Я против женского образования. Посмотрите на морковь – у нее никакого образования нет. А между тем она полезный овощ. Вот и женщина должна быть полезным овощем. На худой конец – фруктом.

Из проповедей Его Высокоблагочестия, т. 127

– Барышни, откройте ваши тетради и запишите тему сегодняшнего урока: «Сонет». Со-нет. Госпожа Солано, обратите внимание, следует писать «сонет», а не «санет».

К числу неоспоримых недостатков метрессы Фелиции, нашей преподавательницы поэтического мастерства, относится не слишком изящное низкопоклонство. Если низкопоклонство вообще может быть изящным. Упомянутой Констанции Солано всего пятнадцать (как и мне), у нее лоб, полный прыщей (не как у меня!), но то, что в роду у долговязой Констанции три баронета и одна предполагаемая маркиза крови, дает сопливке Солано право именоваться «госпожой», тогда как я и все остальные – просто «барышни».

Поскольку я уязвима в вопросах чести и самоуважения, утешает меня в таких случаях одно – хотя мое происхождение туманно, зато ум остр, талант несомненен и многогранен, а уж если кто попадется мне на язык, тому лучше сразу просить Исцелителя об избавлении от лютой напасти по имени Люция Веронезе. Как вы уже поняли, это я.

Подобно многочисленным героиням чувствительных историй о добродетельных девицах, я не знаю, кто мои родители. В отличие от героинь благоглупых книжонок, я сомневаюсь, что однажды окажусь в прямых потомках императорской фамилии, у меня найдется богатая родня, собственный особняк, гардеробная, полная кружев и мехов, и прочие прелести роскошной жизни. Сомнительно, что детей чистого происхождения оставляют в ивовой корзинке на пороге трактира с подозрительной репутацией. Корзинку сию пятнадцать лет назад обнаружила хозяйка трактира «Рог и Единорог», когда вышла на порог, дабы выплеснуть помои. Был метельный месяц февруарий, корзинку почти занесло снегом, но, благодаря моему визгливо-сиплому крику, хозяйка ахнула и забыла про помои. Через несколько мгновений меня рассматривало общество трактирных завсегдатаев и строило предположения относительно того, как я могла оказаться на пороге заведения, вовсе не предназначенного для младенцев. Кто-то из пьяных мужланов посоветовал трактирщице отнести меня в сиротский приют при аббатстве Святого Сердца, но дебелая баба, как оказалось, имела трепетную душу и, будучи незамужней и бездетной, решила воспитать меня как собственную дочь. Я также подозреваю, что Розалинда Веронезе в глубине души надеялась, что я высокородное дитя, ибо запеленали меня в батистовые и шелковые пеленки превосходного качества и со споротыми монограммами. Она показала мне эти пеленки на мое пятилетие и заявила, что раз родители меня бросили, я должна исполнять все ее приказы, к коим, несомненно, относится повеление застилать кровати постояльцев, мыть посуду, чистить овощи и ходить за водой в ближний колодец. Однако по мере того, как подрастала, моя приемная мать передумала делать из меня свою преемницу в трактире и решила, что я должна получить приличное образование. Для чего и пригодился пансион при аббатстве Святого Сердца. Вообще-то этот пансион был учрежден для девиц благородного происхождения из ближних поместий, однако девиц таких было раз-два и обчелся, а трактирщица внесла за мое обучение и проживание солидную сумму. Так что с семи лет я тяну лямку пансионерки, обучаясь всякой белиберде вроде кружевоплетения, хороших манер, галантных танцев и вышивки гладью. Если учесть, что я собираюсь сбежать, как только скоплю сумму, достаточную для покупки каперского свидетельства и баркентины, плывущей в какую-нибудь дальнюю страну, то вряд ли мне понадобятся там кружева. Вот то, что я научилась воровать карманные денежки

своих богатеньких одноклассниц так, что они об этом даже не подозревают, – это настоящий талант, и я им горжусь. Мало того, на прошлой неделе я сумела незаметно похитить из кармана причетницы, сестры Аделины, ее четки-розарио из редкого сорта аметиста – это еще одно подтверждение того, что мой талант растет и не след тратить его на хорошие манеры и вязание рукавиц для бездомных.

Я знаю, что стану капитаном каперского судна, потому что сумею всему научиться. Я завербуюсь юнгой, а как дальше я стану из юнги капитаном, я еще не придумала. Но главное – я думаю об этом, а если о чем-то упорно думаешь, это обязательно осуществится, так нам на уроках прикладной философии говорил отец Эпистемон, и у меня нет причин опровергать это суждение. Когда моя баркентина будет ломиться от награбленного золота и драгоценностей, я с командой навещу аббатство и припомню до мелочи все те пакости, которые здесь пришлось претерпеть. Я очень злопамятна, и мне это безумно нравится.

– Барышня Веронезе, о чем вы думаете?!

Я захлопала глазами. Метресса уловила мое мечтательное состояние и коварно напала из-за угла.

– Что я только что продиктовала, барышня Веронезе? Вы не слушали?

– Я слушала, метресса.

– В таком случае повторите.

И я отчеканиваю, к великому ее изумлению:

– Сонет – это старолитанийская форма стихотворения в четырнадцать строк, возникшая в тринадцатом веке от рождества Исцелителя. Сонет является строгой формой четырнадцатистишия. Первая часть сонета состоит из двух катренов, вторая – из двух терцетов. Размер сонета – пятистопный, реже шестистопный ямб. Канонической формой рифмовки является опоясанная и смежная равнозвучные рифмы для катренов, а для терцетов – две или три рифмы, отличающиеся от рифм в катренах. Для строгого сонета существует правило, по которому при наличии опоясанных рифм...

– Достаточно, – оборвала меня метресса. – Сядьте, барышня Веронезе.

Что я и проделала, победоносно глядя на притихших одноклассниц. Я знаю, что все они мне завидуют черной завистью, потому как не обладают даже малой толикой такой памяти, как у меня.

Это тоже мой талант. Я запоминаю все, не прилагая к тому никаких усилий. Я запоминаю цвета, запахи, речь, изображения, даже собственные сны я помню все до единого. Отец Эпистемон сказал, что Исцелитель наградил меня эйдетической памятью, а это большая редкость и может пригодиться мне в жизни, и в этом я опять-таки доверяю почтенному философу. Мне совсем необязательно слушать метрессу для того, чтобы точь-в-точь воспроизвести ее слова. Мало того, мне не нужно и понимать смысл этих слов, ибо вряд ли их понимает и сама метресса. Я даже иногда сочувствую бедным зубрилкам, они так стараются, и все впустую! Ах, как весело!

Я изобразила воплощенную скромность и склонилась над тетрадью, рисуя в ней технику плетения морского узла под названием «булинь». Метресса меж тем задала следующий вопрос:

– Барышни, кто из вас может привести пример пятистопного ямба?

Желающих не нашлось. Я улыбнулась ласковой змеей и подняла руку:

– Позвольте, метресса.

– Да, барышня Веронезе.

Я снова поднялась и сказала:

– Я прочту сонет монсеньора де Абеляра, сочиненного им на смерть своей возлюбленной Элоизы Монкальмон.

О, как печальны эти день и час,

Когда я провожал тебя в могилу!

И даже небо плакало уныло,

Когда любимый мною взор угас!
Когда на руки нежные твои
Лег смертный саван, навсегда скрывая,
То, что доселе знал я, уповая
На вечность и бессмертие любви!
Как я рыдал, утратой оглушенный,
Как воплем оглашал я свой приют,
Какие исторгал из сердца стоны!
Так только на похоронах поют,
Так создают бессмертные канцоны,
И за любимой в Небеса идут.

Я умею декламировать с интонацией драматической актрисы – одним из преимуществ пансиона является его библиотека, и я там прочла невероятное количество книг, среди коих имелось и руководство по мелодекламации. Я сочла нелишним обрести актерские способности – мне в будущем придется управлять каперским судном, так что сами понимаете. Конечно, там я вряд ли стану читать слезливые сонеты мужланам с саблями и мушкетами, но на всякий случай... Вон даже эти бестолковые пулярки смотрят на меня так, как будто я сошедший с небес Исцелитель.

– Вы делаете успехи, барышня Веронезе, – милостиво молвила метресса. – Садитесь. Продолжим, барышни. Как я уже говорила, сонет возник в Старой Литании и связан с именем великого Данте Алетьерри. Данте за свою недолгую, но чрезвычайно насыщенную жизнь создал тридцать венков сонетов – по одному на каждый год жизни. Венок сонетов – это архитектурная форма поэмы, состоящей из пятнадцати сонетов. Строится венок так: тематическим ключом является магистральный сонет...

– О... – тихо простонала госпожа Констанция Солано. Ах, бедняжка! Поэзия никогда не была ее сильной стороной.

– ...Иначе называемый магистрал, замыкающий собою поэму. Этот, пятнадцатый по счету, сонет пишется раньше других, в нем заключается замысел всего венка. Первый сонет начинается первой строкой магистрала и заканчивается второй его строкой, первый стих второго сонета повторяет последнюю строку первого сонета и заканчивается этот сонет третьей строкой магистрала. И так далее – до последнего, четырнадцатого сонета, который начинается последней строкой магистрала и кончается первой его строкой, замыкая собой кольцо строк. И если вы понимаете, о чем шла речь, то вы увидите, что магистральный сонет состоит из строк, последовательно прошедших через все четырнадцать сонетов... Да, барышня Пиколло, я слушаю ваш вопрос.

Барышня Пиколло – существо весьма занозистое. Похоже, она считает, что раз ей выпала удача стать незаконнорожденной дочкой младшего из герцогов дома Удольфини, так и она может задаваться. Я уже пару раз в воспитательных целях засовывала ей за ворот самолично пойманных в кладовой мышат, и со мной она предпочитает не ссориться. Однако это никак не умаляет ее вопиющего нахальства и бестолковости.

– Метресса, – Бьянка Пиколло выглядела как благонравная ученица, но я-то знала всех ее бесенят по именам и прозвищам. – Это правда, что одним из выпускных экзаменов будет письменный экзамен по составлению венка сонетов?

– Совершенно верно, – жизнерадостно кивнула метресса. – Именно ваши способности излагать свои мысли поэтическим образом смогут показать, насколько вы владеете изяществом языка. А строгая форма венка сонетов не позволит никаких вольностей.

– Это ужасно, – прошептала барышня Пиколло и закрыла лицо руками. Ей всегда был свойствен дешевый мелодраmatизм.

– Мои дорогие барышни, – в голосе метрессы появилась мечтательность. – Поймите, вы получаете здесь образование для того, чтобы стать начитанными, искусными, благонравными компаньонками и наставницами для одиноких дам, девиц, а также детей из хороших семей. Именно поэтому вы обучаетесь не только высоким искусствам, но и ведению хозяйства – ведь будучи компаньонкой, вы станете правой рукой вашей госпожи.

– Но мы же выйдем когда-нибудь замуж? – голосок из середины парт звучал еле-еле.

По классу прокатился робкий смешок. Замужество – это самая желанная мечта и чаще всего возносимая Исцелителю молитва. Здесь все, кроме меня, хотят замуж. Быть всю жизнь нянькой, воспитательницей или компаньонкой при какой-нибудь сквалыжной вдове – это непередаваемый ужас. Как будто замужество – это рай земной.

Метресса улыбнулась:

– Тем более, дорогие мои! Когда жена умеет вышивать, писать стихи, петь и музицировать, ее супруг благодарит небеса за столь щедрый дар. Кроме того, вы обучаетесь искусству ведения домашнего хозяйства, рисованию, лепке, хорошим манерам – всему тому, что сделает вашу жизнь разнообразной, яркой и нескучной...

О да, несомненно. На прошлой неделе я научилась делать оттиски ключей от келий самых занозистых монахинь аббатства. В кабинете химии, где нас обучают премудростям строения веществ, из коих Исцелитель создал наш мир, я давно знала, где стоят тигли и банки с самыми разными химическими соединениями. Кроме того, там лежали образцы различных металлов. Взяв за основу сплава олово (скраденные из трапезной оловянные ложки), медь (пояс из бляшек привратника Джулиаса, который бедняга ищет до сих пор) и некоторые дополнения, я выплавил с полдюжины ключей. Остается ждать ближайшего престольного праздника, когда сестры отправятся в церковь, и навестить их келейки. Наверняка там будет что-то интересное для моего пытливого ума.

Прозвенел колокольчик, возвещающий об окончании урока. Метресса милостиво поклонилась и выплыла из аудитории. Одноклассницы загудели, как растревоженный улей, я же достала из корзинки для завтраков увороваанный с подноса повариhi сдобный пирожок с крыжовенным повидлом и позволила себе понаслаждаться жизнью. Пирожки – это та вещь, ради которой можно на время примириться с действительностью, я так считаю.

– Скажите, барышня Веронезе, – прозвучал голосок Цецилии Роспы, сущего черта в юбке, моей постоянной и неутомимой противницы. – Разве вы не знаете, что пироги портят фигуру? Если вы растолстеете еще больше, вы же не

пролезете в двери аббатства!

– Благодарю вас за столь сердечную заботу о моем внешнем виде, – прочавкала я и улыбнулась, как, верно, улыбаются демоны в аду при виде нового грешника. – Мне понятна эта забота, ведь вы, обладая столь ужасным цветом лица, огромными угрями и короткими белесыми ресницами, как у поросенка, несомненно, переживаете за тех, кто хоть чуть-чуть симпатичнее вас.

– Ах ты тварь! – взвизгнула Цецилия и уже вознамерилась вцепиться в мою прическу, как почуяла острие моего кинжала у своего носа.

– Барышня Роспа, – я уже прожевала пирожок и была решительно настроена. – На уроках фехтования я – лучшая, а вы двигаетесь, как мешок с овсом. Хотите поединка – будет поединок. А еще раз полезете – заколю, как Исцелитель свят.

Роспа отскочила, вспотев от страха.

– Я не устраиваю поединков с чернью! – прошипела она. – Держись от меня подальше, Люция!

– Того же и вам желаю, – я встала и молниеносно убрала кинжал в ножны, что прятала под форменным фартуком. Не всем пансионеркам разрешали носить оружие. Точнее, его не разрешали носить никому, но некоторым, особо родовитым, присылали семейные клинки. Я к родовитым не относилась, а мой клинок был украден в оружейной лавке городка Пьячетто, куда нас возили на конфирмацию. К причастию вместо меня подошла тихоня Филомена – дважды, за себя и за меня. Да простит ей Исцелитель сей грех, а мне – что я ukrала такой отличный клинок.

Однако дело плохо. Роспа донесет про клинок дежурной сестре, а то и аббатисе. Значит, клинок надо спрятать, да так, чтобы его не нашли в нашем дортуаре. Сейчас у нас урок музыки, его, пожалуй, можно прогулять без последствий. Отправляюсь-ка я на незапланированную прогулку.

Я выскользнула из аудитории, стремительно пронеслась по коридору и спустилась в холл. Там дежурили две сестры, облаченные в черные рясы и сонно крутящие четки. Но какими бы сонными они ни были, на меня они среагируют моментально, как хорошие гончие – на зайца.

И они среагировали.

– Дитя, зачем вы спустились в холл? – скрипучим голосом спросила одна.

– Разве вы не знаете, что во время перемен все пансионерки должны быть в рекреациях второго этажа?

Пришлось придумывать на ходу:

– Простите, сестры, – забормотала я, притворяясь девочкой-скромницей. – Мне очень надо в туалет, а на втором этаже все кабинки заняты. У меня живот прихватило.

– Бедняжка, но ведь на первом этаже туалеты только для менторов... И они запираются на ключ.

– Пожалуйста, – умиленно проныла я, обхватив живот руками. – Кажется, я отравилась чем-то... Тошнит...

Сестры на то и монахини, чтобы быть милосердными. Одна из них протянула мне ключ:

– Ступайте, да поскорее!

Я бросилась к туалетной комнате для преподавателей.

Отперев ее, я прежде всего огляделась. Первая неудача – здесь нет окон, значит, вылезти в окно и спрятать кинжал в саду или скриптории не получится. Но преимущество: на две ладони ниже потолка тянутся декоративные мраморные желоба. Возможно, там получится спрятать кинжал. Да только чтобы дотянуться до этого желоба, надо быть выше раза в три или иметь при себе стремянку.

Я вошла в кабинку. Не в поганую же дыру спускать мой кинжал!

А придется.

Тем более что я сумею раздобыть новый. Или, на худой конец, порыться в выгребной яме, ф-фу.

Я опустила кинжал в сливное отверстие. Он булькнул прощально, я дернула ручку слива, и вода шумно омыла широкий лоток ножного унитаза.

Я как раз мыла руки, поливая себе водой из фаянсового кувшина, когда услышала стук в дверь:

– Дитя, как вы?

– Сестра, я уже иду! – крикнула я и вышла из туалетной комнаты, картинно держась за живот.

– Ох, и пронесло же меня, – поделилась я с сестрой переживаниями.

Та поморщилась:

– Уже был звонок. Какой у вас сейчас урок?

– Музыка, сестра.

– У мэтра Маджорити?

– Да, сестра.

– Тогда поспешите.

Я поклонилась и помчалась вверх.

Мэтр Маджорити был чрезвычайно суровым старцем, не ценившим ничего, кроме качественного хорового пения. Когда я постучалась в класс, то услышала «Ми-соль-ми-до-ре», которым обычно распевался наш хор.

Дверь открылась. Мэтр Маджорити сурово воззрился на меня:

– Где вы гуляете, барышня Веронезе?

– Простите, мэтр, – я смиренно потупилась. – Я была в туалетной комнате.

Кто-то из хора сдавленно хихикнул.

– Извольте на место. И сообщите дежурной сестре, что я приказал вас оставить без сладкого в Исцелительный день.

Хихиканье стало более громким и мстительным. Аукнулся же мне пирожок с повидлом!

– Да, мэтр, – и я покорно встала на свое место в хоре.

Мэтр Маджорити постучал по пюпитру дирижерской палочкой и грозно изрек:

– Сегодня мы будем репетировать патриотическую кантату «Славься, Старая Литания!», ибо ваш класс станет петь ее в день приезда благотворителя нашего пансиона графа Лучизаре. Как вам известно, его сиятельство приедет через три недели или через месяц. Госпожа Солано, вы солируете в партии меццо-сопрано. Барышня Дучези, попрошу вас больше не фальшивить во втором куплете, вы делаете это нарочно. Барышни, приготовились. До-ля-фа!

Мэтр Маджорити взмахнул дирижерской палочкой, и наш хор завел первый куплет патриотической кантаты, сладкой и приторной, как патока:

Славься, Старая Литания,

Славься, лучшая страна!

Мы другой такой не видели

Ни в какие времена!

Признаюсь, я никогда не была патриоткой Старой Литании, хотя, похоже, именно в ней и родилась и выросла. Ну что это за страна, смех один! Когда мы изучаем славную историю Старой Литании, я еле сдерживаюсь, чтобы не захохотать. Ни одной войны. Ни одного приличного восстания. Самое последнее

народное волнение случилось здесь между крестьянами двух деревень, не поделивших поле созревшей брюквы, и было это полтора века назад. То ли дело Славная Затумания! Там если нет большой войны, обязательно сражаются ленные лорды, или рыцари, или, на худой конец, монахи двух разных орденов. Королевство Пшепрашам тоже воюет со всеми, кто только посмел косо глянуть на их бесконечные, кишасшие медведями леса. А Цвейгландия!.. Эти их бешеные ландскнехты в вороненых доспехах и с мечами, способными искрошить противника в мелкий салат!

– Барышня Веронезе, вы поете или мух ртом ловите?! Что это за соль второй октавы? Я не слышу вашего голоса! Оставляю вас без сладкого до конца учебного года, и извольте петь!

Вот же скотство! Признаюсь, сладкое – моя слабость. Это и неудивительно, ведь я привыкла активно шевелить мозгами, а на уроках человековедения нам рассказывали, что мозгу для работы нужно очень много сахара. Ну ничего, за годы, проведенные в пансионе, я отменно научилась воровать из кухни все, что плохо лежит и что при этом можно съесть без вреда для здоровья. Так что, почтенный мэтр, мне ваши запреты не указ. Послезавтра пекут яблочное печенье, так я не я буду, если не скраду себе полный подол ароматных вкусовностей!..

Мои мечты о яблочном печенье (под аккомпанемент нестройного пения нашего хора) были внезапно прерваны. Дверь класса отворилась, и на пороге появилась мать Конкордата, заместительница аббатисы по вопросам дисциплины в пансионе. Ее лицо, напоминающее непропеченный постный блин, и вытянутые в узкую полоску губы цвета мертвого дождевого червя не предвещали ничего хорошего.

– Мэтр, остановите урок, – ледяным голосом молвила она.

Учитель взмахнул руками, описывая полукруг, и мы умолкли, растерянно-перепуганно глядя на мать Конкордату. Всему пансиону было известно, что эта монахиня обладает норовом вечной мерзлоты, ее невозможно разжалобить, подкупить или улестить, а если она порешила кого наказать, наказание неотвратимо.

– Сядьте за столы, девочки, – приказала она.

Оказывается, когда надо, весь наш класс способен двигаться молниеносно и бесшумно. Теперь все мы выглядели как благонравные ученицы, в головах которых нет ничего, кроме учебы и молитвы. Я тоже придала своему лицу смиренный вид и захлопала глазами, изображая кротость. Не помогло.

– Барышня Веронезе, встаньте!

Я встала и кожей ощутила взгляды одноклассниц. Надо сказать, эти взгляды были лишены и капли сочувствия. Что ж, не очень-то и надо. За что же мне достанется на этот раз?

– Подойдите! – скомандовала мать Конкордата.

Я подошла. Она без слов задрала мой передник, и я все поняла. Роспа ухитрилась наябедничать быстрее, чем я предполагала.

– Где ваш кинжал? – прожгла меня взглядом монахиня.

– Сестра, у меня нет кинжала и никогда не было, – пролепетала я.

– Вы лжете! Мне известно из достоверных источников, что вы, вопреки введенному в пансионе порядку, носите оружие. Мало того, вы угрожали этим оружием высокородной девице! Куда вы дели кинжал?

– У меня нет...

– Вы противитесь? В таком случае вы идете со мной.

Ну, проклятая ябеда Роспа, держись! Если меня сейчас отведут в каморку для наказаний и всыпят розог, они тебе десятикратно отольются, не сомневайся!

Монахиня сжала железной рукой мое плечо, и вместе мы вышли из класса. Оказывается, в коридоре нас ждали еще две монахини – сестры, отвечающие за присмотр за нашим дортуаром.

– Идемте в спальню, – велела мать Конкордата.

Наивная. Дортуар – последнее место, где я спрятала бы оружие.

Монахини стремительно шли по коридору, их темные длинные одежды развевались, словно крылья падших ангелов. Что ни говори, а монашеские одеяния выглядят гораздо красивее наших куцых платишек с передниками. Э, может, мне стать монахиней? Ну уж нет, даже в страшном сне со мной такого не случится. Меня ждут море и паруса!

Дортуар средних классов представлял собой длинное помещение с двумя рядами кроватей и узких шкафчиков для одежды и всяких мелочей вроде мешочков со сладостями, безделушками и лентами для кос. Некоторые девочки вели дневники, но мало кто хранил их в столь доступном месте, как шкафчик, запоров-то не было, просто самый обычный крючок. Я дневник не вела принципиально, поскольку таскаться везде с глупой тетрадкой было скучно, а придумывать всякие истории и ругательства в адрес одноклассниц у меня прекрасно получалось в голове.

Мать Конкордата подошла к шкафчику с моим именем и бесцеремонно открыла его. Ее взору открылось то, что наличествовало и в шкафчиках остальных пансионеров – стопка нижнего белья, маленькая деревянная шкатулка для шпилек и булавок, мешочек с потерявшей аромат рутой, пара старых тетрадок по географии и книга «История кругосветных путешествий», неделю назад взятая мной из библиотеки. Вы же видите, матушка, здесь нет никакого кинжала! Слава Исцелителю за мою предусмотрительность и за то, что милый кинжал вместе с ножнами утоп в выгребной яме! Э-э, матушка, где ваши манеры, зачем вы вывалили мои вещи на пол?!

Воистину так. Я растерянно наблюдала за тем, как в моих жалких пожитках роются две монахини.

– Кинжала нет, – выпрямились они.

Разумеется, курицы безмозглые!

– Эта девочка очень испорченная, а значит, способная на хитрости и лукавство, подобные лукавству самого Истребителя, – с этими словами мать Конкордата принялась костяшками пальцев выстукивать стенки моего шкафчика. – Ну-ка, ну-ка, а это что?!

Тысяча проклятий на мою голову! Чтоб мне никогда моря не видать!

Две доски задней стенки моего шкафчика неплотно пригнаны. Их можно аккуратно сместить, и тогда за шкафчиком обнаружится маленький выступ в стене, куда можно положить вещичку, не предназначенную для посторонних глаз. И сейчас я с отчаянием висельницы наблюдаю за тем, как мать Конкордата извлекает из моего тайника подделанные мною ключи (помните, я вам говорила об этом?).

– Что это? – монахиня держала связку ключей так, как будто это быладохлаямышь.

– Ключи, – упавшим голосом сказала я. Сама, что ли, не понимаешь?

– Ключи от чего? – продолжала мать Конкордата. – Дитя, отвечайте.

– Я могу ответить, мать Конкордата, – подняла руку одна из сестер. – По виду они похожи на ключи от келий.

– Как они оказались у вас, барышня Веронезе? – голосом матери Конкордаты можно было резать металл.

– Я сделала их сама. – Запираться не было смысла. – Я украла ключи у экономиссы с пояса, сделала оттиски и отлила новые. Сплавы я взяла в химической лаборатории.

– Отменно! Какие таланты вам дарованы Исцелителем! Я велю мэтру Бальдини поставить вам высший балл по химии, – сказала мать Конкордата. – А за воровство вы отправляетесь в карцер. На две недели! Сестры, проводите ее. Да проследите, чтобы она не сбежала по дороге!

Куда это, интересно, я сбегу? Каким образом?

Тьфу, карцер. Мало приятного. Тем более что я там окажусь впервые.

Ладно. Выкручусь.

Глава вторая

Иногда темнота – это все, что нужно для приключения

Я сторонник тихой и спокойной жизни. Деревья никуда не торопятся и не ищут перемен. Попробуйте стать деревом, и вы поймете, как прекрасна жизнь.

Из проповедей Его Высокоблагочестия, т. 154

Надо сказать, карцер в пансионе – не самое приятное место для времяпрепровождения. Это оказалась крохотная комнатуха, узкая, как щель в кошельке скупердя, с окошком под самым потолком, с лежанкой возле стены. На лежанке имелся мешок, набитый соломенной трухой (она лезла из ряднины и колола тело), и старое шерстяное одеяло, под которым невозможно было согреться. Для питья и умывания был один кувшин с водой, а для прочих нужд – вонючее ведро, прикрытое деревянной крышкой. Да уж, вот куда приводит страсть к пирожкам и сварам. Ну ничего, я потерплю, а когда выберусь, барышне Роспе небо покажется с овчинку, клянусь, я устрою ей столько каверз, что все демоны ада заплодируют моему коварству!

Я закуталась в одеяло и села на тюфяк, поджав ноги. Было холодно. Светлый квадратик окна оказался единственной радостью на настоящий момент, и я стала смотреть на него, представляя, что за ним – новая, прекрасная жизнь, ожидающая меня, полная приключений, встреч, наслаждений и битв. А не сбежать ли мне из пансиона? Прямо в ближайшее время? Ради чего я тут кисну, как слива в маринаде, когда я уже вполне взрослая, самостоятельная личность? Я хорошо умею фехтовать, я сильная, выносливая, предприимчивая... да, но я совсем не знаю мира за стенами пансиона. Я нигде не бывала дальше города, и хотя географию Старой Литании я знаю назубок, это лишь теория. И потом – у меня нет ни гроша! Если б поддельные ключи остались при мне, я навестила бы кельи монахинь, которые, по слухам, ломаются от денежных пожертвований благочестивых прихожан, но... Значит, я не смогу снять комнату на постоялом дворе, купить себе еду, одежду, оружие. Как заработать деньги, я представляю себе смутно. Не наниматься же посудомойкой в трактир! Или милостыню просить! Можно попробовать грабить прохожих на дорогах, но это ведь какой прохожий попадется – а вдруг здоровенный мужик с кулаками, как пушечные

ядра... Если сколотить шайку... За один день это не делается, для основы шайки нужны друзья, а друзей у меня нет и никогда не было...

Отягченная раздумьями, я задремала, а когда проснулась, окно было темным – наступила ночь. Темнота заполнила весь карцер, и с нею пришли страхи, в которых я стыжусь себе признаваться. Я боюсь крыс. Боюсь призраков, подозрительных шорохов, стуков и вообще всего, что невозможно объяснить простыми законами познания. Когда девчонки в дортуаре перед сном рассказывали истории о разгуливающих по пансиону призраках усопших монахинь, об упырях, которые могут прилететь, когда ты спишь, и высосать кровь, об оборотнях, каждое полнолуние завывающих в ближнем лесу, я лишь презрительно усмехалась, но на самом деле в те моменты по моему телу бодро пробегали мурашки. Как истинный агностик, я верю только в то, что можно увидеть, осязать, услышать при дневном свете. Однако едва наступает ночь, я превращаюсь в глупую беспомощную девочку, которая боится каждого шороха и стука.

Сейчас мне предстояла именно такая ночь. И речи быть не могло о том, чтобы встать с лежанки и немного подвигаться, разминая затекшие члены. Я сжалась в комочек, объятая собственными страхами, и дрожала, из последних сил стараясь не разреветься в голос. Может быть, закричать, позвать кого-то из сестер? Пусть они выпустят меня из этого жуткого места!

Однако где-то глубоко во мне жила та Люция Веронезе, которая собиралась стать капитаном каперской баркентины и бесстрашно смотреть в лицо всем ураганам и шквалам. И сейчас я призвала эту Люцию на помощь. Что мне делать, спросила я ее, как победить свои страхи? Ты можешь продолжить урок музыки, насмешливо посоветовала она. А и правда! С песней все-таки будет веселее, и мой ор заглушит ужас, поднимающийся в душе! И я запела.

Репертуар у меня был небогатый – в основном те самые песни, которые мы разучивали на уроках мэтра Маджорити. Для начала я полностью спела кантату «Славься, Старая Литания!», а в ней двенадцать куплетов, между прочим. Но зато ее бодрый, жизнерадостный мотив немного оживил меня. Потом пришел черед Гимну урожая, который мы всегда исполняем в месяц жатвы для крестьян местного прихода. Он тоже живенький. А когда я запела романс о бескрайних лугах, укрытых седым туманом осеннего утра и об одиноком охотнике, спешащем на ретивом коне к своей возлюбленной, я услышала шорох.

Я немедленно заткнулась и вжалась в стену. Ну вот. Сомнения нет, по мою душу пришла крыса. И, возможно, не одна. Возможно, в компании усопшей монахини, упыря и прожорливого волколака.

– А-а, ай-я-я-я! – заголосила я. – Нивы печальные, снегом побитые! Нехотя вспомнишь и время былое, вспомнишь и лица, давно позабытые!

Да тут всех демонов ада вспомнишь поименно, от такого-то страху! Ну, кто-нибудь, помогите же мне! Трудно вам, что ли!

Шорох усилился. Мало того, я поняла, что это не просто шорох. Это крошечные лапки цепляются за ткань тюфяка, это шуршит длинный хвост, задевая торчащие соломинки, это крыса!

Объятая ужасом, я просто онемела. И в наступившей тишине услышала:

– Какое счастье, что ты наконец умолкла, девочка! Твоим голосом надо дрова пилить, а не песни петь.

Кстати сказать, голос, который произнес эти слова, тоже был не ахти. Но, сами понимаете, услышав его, я чуть не напрудила лужу, как маленькая. Теперь мне хотелось сжаться до размеров точки, вообще исчезнуть, испариться, чтобы избежать ужасов происходящего.

– Конечно, можно понять, с чего ты взялась голосить, как плакальщица на похоронах, – продолжал голос. – Ты ребенок, и тебя оставили в этой ужасной темноте. Мы это исправим. Не пугайся. Сейчас станет светлей, и кроме того, ты увидишь меня.

Послышалось легкое шипение, а потом в крошечной тьме возникла искорка. Она разгоралась, и скоро я поняла, что это маленький, с мой мизинец, стеклянный фонарик, в котором бодро горел алый язычок пламени.

Фонарик держала в лапе крыса. Да, самая обыкновенная крыса, если не считать того, что размером она была с мою руку, глаза ее светились ярко-зеленым огоньком, а на голове у нее был какой-то колпачок. Это не убавило моего ужаса, но все-таки он стал хоть несколько соизмерим, ведь когда ты видишь свой

страх лицом к лицу, он уже не так страшен, верно?

– Верно, – подтвердила крыса. – И тебе нечего меня бояться. Я вовсе не собираюсь причинять тебе зло, кусать или там... ну что еще, по-вашему, делают крысы. Как тебя зовут, девочка?

– А-а, – только и выдавила я.

– Вряд ли твое имя звучит таким образом. Ты слишком напугана. К тому же голодна. Придется немножко тебе помочь.

Крыса подняла фонарик повыше, описала им круг (следы огня остались в воздухе мерцающими искорками) и чем-то щелкнула. Я резко выдохнула, вдохнула и поняла, что мой страх куда-то пропал. На его место пришли столь присущее мне любопытство и желание немедленно во всем разобраться.

– Так-то лучше, – удовлетворенно сказала крыса. – Теперь ты вполне адекватна. Итак, повторю вопрос: как тебя зовут?

– Люция Веронезе, – ответила я.

– Ты можешь к своим словам прибавлять «мессер» – это будет вежливо по отношению ко мне, твоему собеседнику.

– Хорошо... мессер.

– Я сейчас сделаю свет поярче, и твой страх уйдет совсем. Вот так.

Фонарик засветился как звезда, и в карцере стало совсем светло – будто в летних сумерках.

– Ты замерзла, Люция?

– Да, мессер.

– Ты голодна?

– Ужасно, мессер.

– Отлично, – крыса хихикнула. – В таком случае, мы сейчас поужинаем и сделаем это в более уютной обстановке.

Она снова описала лампой затейливый круг, снова засияли алые искорки, и я ахнула: карцер превратился в уютную комнату, обитую золотистым шелком, моя лежанка – в удобную кушетку с множеством атласных подушек и шелковым одеялом, на полу оказался ковер, посередине – два стула и стол с белой скатертью и сверкающими серебряными столовыми приборами. С украшенного лепниной и позолотой потолка свешивалась люстра с десятками зажженных свечей.

– Это невозможно! – прошептала я.

– Для того, кто умеет раздвигать границы обыденного, нет ничего невозможного! – снова хихикнула крыса. – Прошу присядь, подели со мной ужин.

Я встала, оглядываясь. Комната решительно сделалась больше, чем была. Я потрогала рукой обивку стены.

– Это настоящее? – не веря своим глазам, спросила я.

– Совершенно настоящее, дорогуша. Для того чтобы сделать ненастоящее, не стоит и хвостом щелкать.

Я ошарашенно села на стул. Крыса устроилась напротив, и тут произошло еще одно непонятное явление: крыса сидела на одном уровне со мной, одновременно оставаясь все такой же в размерах. Как это возможно?!

Она снова прочла мои мысли и сказала:

– Я повторюсь про границы обыденного. Надо просто уметь их раздвигать. И тогда очень многое станет возможным. Как-нибудь почитай элементарные основы абстрактной алгебры, уже не будешь чувствовать себя такой дурочкой. Что ты обычно предпочитаешь на ужин, девочка?

В пансионе на ужин нам давали стакан теплого молока с омерзительными пенками и подсохшие, оставшиеся от завтрака булочки. Ни то, ни другое я терпеть не могла. Видимо, крыса прочла и эти мысли, потому что сказала:

– Понятно. Тогда я закажу на свой выбор. Паровые котлетки из филе рябчика под сырным соусом, пенджабский рис с медом и пряностями, тарталетки с осетровой икрой – наверняка ты в жизни такого не пробовала, детка, и... пирожки! Конечно! Как я мог не прочесть это в твоих мыслях сразу! Ты же обожаешь пирожки! Хорошо! Изволь. С дюжиной разных начинок, полный поднос! И... вино. Тоже выберу сам. В этом сезоне принято пить слегка подогретое инкерское. Тебе понравится.

– Я никогда не пила вина, мессер.

– Поверь, в этом нет ничего ужасного. Тем более что у меня к столу подают все только лучшее, и тебе не грозит опасность захмелеть от какой-нибудь гадкой сливянки.

– У вас к столу, мессер? Но кто вы?!

– Об этом мы поговорим позже. А пока – приятного аппетита!

И на пустых серебряных тарелках сами собой появились такие ароматные кушанья, что мой рот вмиг наполнился слюной, а живот заурчал, как голодный оборотень. Я принялась пожирать котлетки, заедая их пирожками, и только когда первый голод был утолен, сообразила, как неприлично выгляжу перед хозяином этого великолепия. Обжора! Чавкающая обжора!

– Простите, мессер, – я покраснела.

– Ничего, дорогуша. – Крыса сидела и пристально наблюдала за мной, вертя в лапке серебряный бокал. – Ты юна, а юность всегда голодна. Тебе не нужно передо мной чиниться. Но отведай вина! Возьми в руку свой бокал.

Я повиновалась и увидела, как в моем пустом бокале вдруг появилось вино, темное, ароматное, густое.

– За наше знакомство! – поднял бокал мессер.

Я сделала глоток. Восхитительно! Такое впечатление, что меня поцеловали розы и ангелы!

– Нравится?

– Да, мессер, – я выдохнула. – В жизни не пробовала ничего подобного.

– Ничего особенного, дорогуша, – отмахнулся крыс. Теперь я буду называть его так. – Тебе предстоит попробовать немало прекрасных вин и отменных яств, поверь, уж я-то знаю.

– Откуда? То есть я понимаю, мессер, вы, наверное, волшебник...

– Хи-хи, дорогуша, я куда более могуществен, чем любой волшебник в этом мире или в других мирах. Но речь не обо мне.

– Почему не о вас, мессер? – я сделала еще глоток. – Я совсем не знаю, кто вы и как вас зовут.

– Люция, в тебе есть наблюдательность, и даже пирожкам с начинкой из тертых креветок ее не заглушить. Это мне нравится. Это говорит о том, что в других ситуациях ты не дашь незнакомому собеседнику увлечь себя и всегда останешься при своем. Храни это качество, девочка, воспитывай его в себе, и никто не застанет тебя врасплох.

– Но вы так и не ответили... Вы мне заговариваете зубы, мессер, да?

– О нет. Конечно, я отвечу. Да, ты можешь называть меня волшебником, ибо волшебство во всех его видах также является одной из моих многочисленных способностей. А вот имени своего я тебе не скажу.

– Почему, мессер?

– Никто из живущих сейчас или прежде не может узнать мое имя и после этого остаться в живых, лапочка. Это имя само по себе так могущественно, что

превратит в пар любого, кто только подумает о нем, не то что произнесет. Но чтобы нам было легче общаться, ты можешь называть меня, например... Софус. Если ты хорошо знаешь старолитанийский диалект, то ты понимаешь, что означает это слово.

– Софус... Мудрец?

– Совершенно верно, дитя. Итак, можно считать, что мы познакомились. Продолжай ужинать, поскольку я чувствую, что ты еще голодна.

– Но, мессер, у меня так много вопросов!

– Хорошо, задавай. Я стану отвечать.

– Для чего вы появились здесь, в карцере, мессер? Для чего устроили все это?

– Хи-хи, можешь считать меня любителем маленьких глупых девочек, попавших в беду.

– Но...

– У меня есть на тебя планы, дорогуша. Я как раз затеваю одно дельце, и мне не помешала бы помощь маленькой глупой девочки.

– Я не маленькая и уж отнюдь не глупая, мессер Софус, иначе вряд ли вы пришли бы мне на помощь, верно?

– Ну, не обольщайся. Я помог бы и другой девочке, оказавшейся в этот момент в этом месте. Так состыковались грани.

– Какой момент? Какое место? Какие грани, мессер?

– Тебе это пока не нужно знать. Знай только одно: я могу изменить твою жизнь. Изменить ее к лучшему, Люция. И я сделаю это, если ты пойдешь мне навстречу. Понимаешь?

– Я должна что-то сделать для вас, мессер? В обмен на лучшую жизнь?

– Именно. Но это случится не сразу. Мы будем большими друзьями, Люция, и ты сама поймешь, когда ты сможешь отплатить мне за то, что я сделаю для тебя. А я изменю твою жизнь с первым ударом часов, которые скоро пробьют полночь. О пансионе, монахинях и своих одноклассницах ты отныне будешь вспоминать только с усмешкой. Твоя жизнь станет прекрасной, счастливой, богатой. Ты получишь все, о чем только может мечтать человек.

– Это правда, это не розыгрыш?

– Дитя, мне ни к чему тебя разыгрывать. Ты нужна мне. Так сложились грани. А я пригожусь тебе, уж поверь. А теперь выпей еще вина.

Я допила остатки вина в бокале и поняла, что объелась и хочу спать. Последнее, что я помнила об этой ночи, – как ложусь на кушетку, утопая в мягких подушках, укрываюсь одеялом и слышу отдаленный бой монастырского колокола, возвещающего полночь.

Глава третья

Что еще за новости

Некоторые жалуются мне на то, что их жизнь скучна и однообразна. Я благословляю их завести пасеку, коз и кроликов. Повторных жалоб не поступает.

Из проповедей Его Высокоблагочестия, т. 97

Я проснулась от визгливого скрипа двери, что вела в мой карцер. Разлепив веки, я увидела на пороге одну из послушниц аббатства.

– Вставайте, барышня Веронезе, меня послала за вами мать настоятельница.

– С чего бы это? – пробурчала я. Ужасно болела голова, словно изнутри ее кололи раскаленными вязальными спицами. Рот пересох, и тело было ватным. Что такое со мной произошло? Я заболела в этом карцере?

– Я плохо себя чувствую, – сказала я послушнице.

– Поспешите, – притопнула ногой она.

Я встала и поплелась следом за ней. Свет ламп в коридоре казался слишком ярким, воздух слишком холодным, а звуки чересчур громкими. Что со мной произошло? Наверное, я плохо спала ночью.

Послушница остановилась со мной возле двери настоятельницы и постучала.

– Войдите, – услышала я.

Мы вошли.

Келья настоятельницы была выдержана в белых тонах – занавески, ковры, чехлы на мебель. От этого белого света мои глаза словно ослепли. Я закрыла их и резко втянула в себя воздух.

– Люция, что с вами? – услышала я голос аббатисы.

– Я плохо себя чувствую, матушка, – пробормотала я. – Наверное, это простуда.

– Ну, ну, взбодритесь, дитя. Вы ведь еще не завтракали? Присядьте, позавтракайте со мной, выпейте чаю.

Я? Завтракать с самой настоятельницей? Что произошло? Второе пришествие Исцелителя? С чего это вдруг такие милости ко мне?

Мы сели за стол, послушница налила мне чаю. Я без особых церемоний принялась поглощать песочное печенье, соленые тарталетки с маслом и сахарные завитушки, молясь о том, чтобы это удовольствие продлилось как можно дольше.

– Люция, вы совсем не помните своих родителей? – неожиданно спросила настоятельница.

– Нет, матушка, – я спешно прожевала очередную тарталетку. – Я никогда не знала их. Меня вырастила...

– Да, это я знаю. И то, что она нашла вас в пеленках со споротыми монограммами. Вы никогда не пытались разыскать ваших родителей?

– Нет, – я слегка удивилась бессмысленности этого вопроса. – Это так же сложно, как отыскать иголку в стоге сена. Да и к кому бы я могла обратиться, чтобы начать эти поиски?

– Итак, вы круглая сирота.

– Да, матушка. А почему...

– Я сейчас все объясню вам.

Мать настоятельница встала и заходила по комнате, перебирая бирюзовые бусины на длинных изящных четках. Я потихоньку набивала рот сладостями и ждала продолжения разговора.

– На уроках литературы вы наверняка уже изучали стихи нашего знаменитого старолитанийского поэта, герцога Альбино Монтессори.

– Да, – мне сразу вспомнились его эпиграммы, баллады и сонеты. Как я уже говорила, я обладаю великолепной памятью. – Я могу прочесть его наизусть. Хотите?

– Нет, в этом нет необходимости. Дело в том, Люция, что герцог сейчас находится в аббатстве. Его приезд был для нас совершенной неожиданностью.

– А разве?... – Я была поражена. Я считала, что все приличные писатели и поэты давно почили на лоне рая. – Я думала, что его светлость, ну, давно умер...

– Нет, благодарение Исцелителю, герцог Альбино жив и вполне здоров. Сегодня он приехал в аббатство и весьма любезно попросил исполнить его желание.

– Какое?

– Он спросил, есть ли среди наших воспитанниц круглая сирота четырнадцати-пятнадцати лет. И если таковая имеется, он просит нас устроить его беседу с нею.

– О!

– Барышня Веронезе, вы – единственная, кто подходит под этот... запрос герцога. Я не стала спрашивать, для чего великому поэту понадобилась эта беседа, но я думаю, намерения его чисты и благородны. И еще я полагаю, что это каким-то образом связано с вашими родителями. Со сведениями о них.

Мое удивление было слишком велико, чтобы я могла что-то сказать. Это же надо, как изменилась судьба! Всего одна ночь в карцере, и я буду удостоена беседы с герцогом. Не просто с герцогом, а с великим поэтом современности!

– Что я должна делать, матушка? – наверное, этот вопрос звучал глупо, но я действительно растерялась. Жизнь сделала слишком неожиданный поворот, и я не была к нему готова.

– Послушница сейчас проводит вас в дортуар. Там вы переоденетесь в парадное платье, его уже приготовили. После этого вас отведут в главное хранилище библиотеки. Его светлость изволит принять вас там.

– Как прикажете, матушка, – все удивительнее и удивительнее! Главное хранилище – это запретная святыня почище Исцелительного Ковчега, что хранится в алтаре главной церкви аббатства. И сейчас я сподоблюсь увидеть его! Даже удивление от предстоящей встречи с герцогом Монтессори ушло на второй план.

– И еще, дитя мое, – настоятельница молитвенно сложила руки. – Возможно, это ваша счастливая судьба. Не упустите ее. Будьте благоразумны и докажите его светлости, что мы не зря обучали вас в пансионе столько лет.

– Конечно, матушка, – я склонилась в реверансе. Предварительно покончив с чаем и печеньем, разумеется.

Пока я за послушницей шла в дортуар, мне казалось, что даже здешние стены шепчутся в такт шагам: «Смотрите, это счастливица Люция Веронезе! Ей выпала удача! Ей выпала удача!»

В дортуаре все воспитанницы среднего класса столпились в углу и молча смотрели, как я подхожу к своей кровати, на которой был разложен мой выглаженный и накрахмаленный парадный наряд. Понятное дело, они мне завидуют, ведь даже имея высокородных родителей, никто из них не удостоивался встречи с великим человеком. Что ж, пусть они запомнят эту минуту тем, что я встречу свою судьбу молча. И ни словом не заикнусь о том, что мне предстоит! Впрочем, я ведь и не знаю, что мне предстоит.

Парадное платье было ужасно жестким от крахмала, стоячий воротник возвышался над моим затылком, как снежная гряда, корсет жал (вот оно, злоупотребление сладостями, права была гадючка Роспа, я толстею!). На одной из перчаток я обнаружила дырочку. Не очень-то красиво в свете встречи с герцогом. Придется эту руку держать опущенной. Кроме того, я терпеть не могу перчатки.

Послушница уложила мне волосы в замысловатую прическу и приколола сверху геннин с вуалью. Для тех, кто не знает, что такое геннин, объясню – это высокий конус из картона, обшитый атласом и бисером. Носить его на голове ужасно неудобно, он тянет волосы, давит на затылок, напрягает шею, и вообще чувствуешь себя в нем, как ошипанная курица. Однако считается, что это красиво, и как тут возразить... Тем более когда меня ждет такая удивительная встреча!

Подобно белопарусному барку, я выплыла из дортуара вслед за послушницей. Теперь мы шли гораздо медленнее из-за моего наряда, от напряжения я почувствовала, как по спине текут струйки пота, и буквально заставила себя успокоиться. Меня ждут, а значит, дождутся, потерпят. Значит, я важна.

Главное книгохранилище, оказалось, занимало целый подземный этаж монастырского корпуса. Здесь было прохладно, коридоры освещались по старинке – факелами, а звук шагов заглушали ковровые дорожки. И еще –

тишина. Она царила здесь безраздельно, и только шорох одежд да дыхание мое и моей спутницы можно было счесть признаками жизни.

Послушница остановилась перед большими дубовыми дверями, украшенными затейливой резьбой.

– Я подожду вас здесь, барышня Веронезе, – сказала она и отворила створки. – Герцог желает беседовать с вами наедине.

По моему телу пробежали мурашки. Ух ты! А я боюсь. А я мало чего боюсь, крыс, например...

При воспоминании о крысах что-то как будто щелкнуло у меня в голове, я даже замерла на мгновение. У меня возникло ощущение, будто я только что поняла: я что-то забыла. И это я-то, с моей потрясающей памятью!

Все хранилище было погружено в сумрак, только в центре большая настольная лампа освещала стол и два кресла возле. В одном из кресел сидел человек, однако при моем приближении он встал и пошел навстречу. Мы встретились на границе света от лампы и тени комнаты.

– Здравствуй, дитя, – прозвучал глубокий, густой, как сливки, голос.

– Здравствуйте, ваша светлость, – я присела в реверансе, а потом выпрямилась и посмотрела на него во все глаза.

Великий поэт Альбино Монтессори был высоким худощавым мужчиной пожилых лет, с длинными волосами, белыми как снег. Вся его одежда была черного цвета, и тем разительней был контраст. Странная гримаса исказила его черты, и лишь потом я поняла, что так он улыбнулся.

– Дитя, мы плохо видим друг друга, стоя вот так, – молвил герцог. – Прошу, давай сядем.

Я кивнула, почему-то дрожа всем телом. Мы сели в кресла, и тут я смогла лучше разглядеть его. Да, несомненно, возраст у него был солидный – лет сорок, не меньше. Кожа смуглая, на высоком лбу с тремя резкими морщинами сурово

сошлись угольно-черные брови. Нос острый, губы тонкие и жесткие, но уродливее всего был шрам, который охватывал его правую щеку, словно черная скобка. Если бы не этот шрам, герцог мог бы считаться стариком изящной внешности, а так он был похож на злого волшебника из сказки. Да еще эти глаза – прозрачные, как лед, сверкающие и холодные. Не хотела бы я стать врагом этому человеку!

Слева его волосы были подобраны вверх и заколоты блестящей круглой брошью, напоминающей восьмилучевую звезду. На груди поверх камзола висела массивная цепь из светлого золота, и на ней подвеска – резной золотой лист какого-то растения, я такого ни разу не встречала. Руки герцог положил на стол, и я увидела, что его пальцы унизаны сверкающими перстнями. Значит, поэзия сделала его таким богатым, подумала я, это надо же. Чего тогда хочет поэт от такой замарашки, как я?

– Мне сказали, дитя, что тебя зовут Люция, – медленно, словно подбирая слова, заговорил герцог.

– Да, ваша светлость.

– Отныне я велю тебе... то есть я прошу тебя, дитя, называть меня просто Альбино. Или герцог Альбино, если ты стесняешься.

– Хорошо, герцог Альбино.

– Давно ли ты в пансионе Святого Сердца?

– С самого малолетства, герцог. Точнее, с семи лет.

– И ты не знаешь своих родителей? Никогда их не встречала?

– Нет, герцог.

– И у тебя нет никого близких? Нет семьи, которой ты была бы дорога?

У меня почему-то запершило в горле, но я сказала твердо:

– Нет.

– Но ведь кто-то растил тебя до тех пор, пока ты не пришла в пансион.

– Это была простая неученая женщина, хозяйка одного трактира. Поначалу она приезжала в пансион навестить меня, а потом перестала, вот уже много лет. Наверное, она умерла. Или забыла обо мне.

Он побарабанил пальцами по столу:

– Хорошо. Каковы твои успехи в учении, Люция? Что ты умеешь, много ли знаешь?

– Я одна из первых в классе по словесности, математике и риторике, герцог. Еще я хорошо знаю физику, химию, человековедение, географию и ботанику. Я неплохо фехтую, плохо пою... и... наверное, все.

– А языки?

– Старолитанийский и затуманский, герцог Альбино. Государственный диалект, само собой разумеется. Могу писать и читать со словарем по-цвейгландски.

Его некрасивое лицо оставалось бесстрастным. Неужели я не угодила столь обширными знаниями его светлости? Между прочим, многие в моем возрасте и того не умеют!

– А рукоделия? – герцог удивил меня этим вопросом. – Умеешь ли ты вышивать, шить, вязать? Плести кружева?

– Э-э, совсем мало, – покраснев, призналась я. – У меня не лежит душа к рукоделиям, герцог. Зато я люблю рисовать! И еще изучаю парусное дело!

– Что ты говоришь, – протянул герцог. – Какие интересные увлечения для пятнадцатилетней монастырской воспитанницы. Ты что же, любишь море?

– Я никогда не видела его, но я читала о нем, и да, наверное, полюбила. Я много мечтаю о море, о том, чтобы увидеть его. Увидеть корабли...

– Понятно, – оборвал меня герцог. – Что ж... Полагаю, ты мне подходишь.

– Простите? Для чего?

Он снова побарабанил пальцами по столу.

– Видишь ли, Люция. У меня есть дочь твоего возраста. Ее зовут Оливия. В силу некоторых обстоятельств она почти не общается со своими ровесницами. Я решил, что ей нужна подруга. Или компаньонка, как тебе угодно.

Святой Исцелитель, какой стыд! Меня хотят сделать компаньонкой! Меня, которая мечтает стать отважным мореплавателем и путешественником! Чтоб мне сидеть и вытирать сопلي какой-то великовозрастной папиной дочке!

– По твоему лицу, Люция, я вижу, что тебя не прельщает такая перспектива. – Альбино дернул щекой, и шрам-скобка сжался и разжался. – Но, прежде чем ты откажешься, я хотел бы тебе немного рассказать о своей дочери. Ее мать умерла, когда Оливия была совсем малюткой. Я в то время был в военном походе, думаю, ты слышала о Десятилетней войне. Воспитанием моей дочери занимались няньки, сиделки и служанки, и они слишком избаловали ее. Во всяком случае, я так считаю. Оливия выросла слишком капризной, изнеженной, самолюбивой. Она привыкла добиваться исполнения малейших своих прихотей, закатывая истерику. Мне это не нравится. Я помню, какой была мать Оливии, и не хочу, чтобы супруга упрекала меня с того света, что я испортил нашу единственную дочь. Ей нужно другое воспитание, другое общество, нежели няньки и служанки. Ей нужна ровесница, которая не станет потакать ее капризам, а научит быть сильной, выносливой и разумной девочкой. И я думаю, что ты справишься с этой задачей.

– Но почему вы так считаете, герцог Альбино?

– Ты сирота, и мир с самого начала был к тебе равнодушен, – молвил герцог Альбино. – Однако ты научилась жить с этим, и не просто жить, ты обладаешь живым умом, гибким характером, настойчивостью и крепким здоровьем. Мне говорили об этом сестры аббатства. Они указали на тебя, как на самую непоседливую, самую хитроумную и зловредную девочку в пансионе. Мне это нравится. Именно такой я вижу компаньонку для своей дочери. Ей нужно

разогнать кровь, взбодриться. Ты подходишь как нельзя лучше. Кроме того, раз ты сирота, никто не станет возражать против того, что ты станешь выполнять эту работу. И – это немаловажно – ты будешь получать за нее деньги. Я открою для тебя счет в банке Старой Литании, и когда Оливия сочтет нужным с тобой расстаться, ты покинешь мой замок, имея при себе не только жизненный опыт, но и деньги, которые помогут тебе самостоятельно устроиться в жизни. Кроме того, у меня большие связи. И возможно, когда-нибудь ты сможешь поступить в школу мичманов, если еще будешь хотеть путешествовать и увидеть море. Как тебе такое предложение?

А чего я, собственно, хочу? Торчать в пансионе до совершеннолетия, а потом оказаться в каком-нибудь захолустье без средств к существованию? Ну, допустим, возьмут меня учительницей в деревню или, опять-таки, компаньонкой... Это не приблизит меня к морю и каперскому патенту! А тут есть возможность получать деньги, выполняя нехитрую работенку воспитательницы герцогской дочки. Наверняка эта дочка – воплощение серости и тупости, зануда, задавака, плакса. Ничего, я ей действительно сумею разогнать кровь!

– Я согласна, герцог Альбино.

Опять эта гримаса, долженствующая означать улыбку.

– Признаюсь, иного ответа я и не ждал от такой девочки, как ты. Что ж, не будем терять время. Собирай вещи, дитя, и отправимся в путь. К середине завтрашнего дня мы будем в замке Монтессори. Переночуем на постоялом дворе.

– Да, герцог.

Я вышла из книгохранилища, не чуя ног. Исцелитель, как вдруг изменилась моя судьба! Я посмотрела на ожидавшую меня послушницу так, словно она была привидением.

– Что? – ахнула она. – Что сказал тебе герцог, дитя?

Я вздернула плечи:

– Я больше не дитя. Мне предложили работу в замке герцога. И я уезжаю с ним немедленно.

Когда я вернулась в дортуар, данная весть, видимо, уже облетела моих однокашниц, опередив меня чуть ли не волшебным образом. Они смотрели на меня с какой-то нерешительной завистью, и мне вдруг стало обидно, что никто из них за меня не порадует, никто не повиснет на шее с радостным воплем: «Ты молодец, Люция!» Что ж, обойдусь. Я послала им общую улыбку и подошла к своему шкафчику. Выложив оттуда свои немногочисленные пожитки, я поняла, насколько нищими они выглядят. Что ж, думаю, его светлость позаботится о том, чтобы компаньонка его дочери выглядела соответствующим образом.

Послышались шаги. В комнату вошла монахиня-келарница, державшая в руках небольшой заплечный мешок.

– Твои вещи здесь, Люция Веронезе, – сказала она. – Тебе их велела передать мать настоятельница.

– А... – я растерялась. – Как же эти?...

– Оставь. Мы не можем отправить нашу дорогую ученицу в далекий путь, не снабдив ее самым лучшим и необходимым. Надеюсь, ты станешь добрыми словами вспоминать наш пансион.

– О, разумеется, – я улыбнулась от всей души. – В этом вы можете не сомневаться.

Я взяла мешок (довольно тяжелый, надо признать) и вышла следом за келарницей. Мое парадное платье шуршало, как ворох бумаги, и я очень надеялась на то, что в ближайшем будущем мне не придется его носить.

Глава четвертая

Еще одна странная ночь и немного о поэзии

Некоторые люди сразу не понимают, что им улыбнулось счастье. Поэтому, когда счастье улыбается во второй раз, улыбка его выглядит зловеще.

Из проповедей Его Высокоблагочестия, т. 133

Герцог и я заночевали на постоялом дворе. Тут же имелся трактир «Серебряная роза», но, разумеется, ужин каждому из нас был подан в комнату. Я впервые ночевала одна, в отдельной комнате, с камином, в котором умиротворяюще потрескивали дрова, с широкой кроватью под бархатным балдахином, с комодом, туалетным столиком и очаровательной скамеечкой, на которой можно было устроиться перед камином, смотреть на огонь и неспешно поглощать кроличье рагу, запивая его сидром. Было тихо, поскольку к постоялому двору карета подъехала за полночь, благо сонный хозяин оказался настолько любезен, что подготовил комнаты и даже велел кухарке разогреть ужин.

Покончив с едой, я поставила поднос с посудой на комод, а сама подошла к окну. Я до сих пор не могла осознать, какие удивительные перемены произошли в моей жизни столь внезапно и какие ждут впереди. Всю дорогу я почти не говорила ни слова, да, собственно, и его светлость был молчалив. Как только карета отъехала от ворот аббатства, он достал из стоявшей рядом с ним на сиденье дорожной сумки какую-то книгу и погрузился в чтение. Я же просто гладела в окно, поскольку доселе не была избалована зрелищем пейзажей. А посмотреть было на что. Стоял последний месяц весны, широкие поля зеленели, по обочинам росли алые тюльпаны, ветер доносил аромат цветущих садов. Я постаралась вдохнуть этот аромат полной грудью и удержать в себе как первое впечатление о новой жизни. Я понимала, что в обществе его светлости мне следует вести себя сдержанно, и поэтому спрятала радость от обретенной свободы глубоко в сердце.

...Сейчас в мое окно светила луна, ее ртутно-серебряный свет делал двор и растущие на нем деревья сказочными, как будто ненастоящими. Я отодвинула задвижку и приоткрыла окно. Пахло свежей зелены, какими-то сладкими цветами и немного навозом из конюшни. Нежно пела ночная птица, рассыпая свои трели, словно стеклянные шарики. Какая красота!

Я зажгла свечи и принялась разбирать свой дорожный мешок. В нем оказалось несколько пар белья, повседневное платье и передник. Что ж, это лучше, чем тот парадный крахмальный кошмар, который на мне был до сих пор. Я принялась раздеваться и первым делом избавилась от ненавистного конуса на голове. Как

хорошо, что, повзрослев, я стану капитаном, а не великосветской дамой, и буду носить только удобную и практичную одежду.

Переодевшись в ночную сорочку, я расплела волосы, причесалась и умылась. Хотя была глубокая ночь, спать не хотелось, поэтому я просто устроилась напротив камина и стала любоваться на причудливые языки пламени. И видимо, все-таки я заснула, потому что как иначе я смогла бы увидеть, что один из огненных языков превратился в большую крысу и выпрыгнул из камина?

– Ой, – только и сказала я.

– Ну-ну, лапочка, – услышала я скрипучий голосок. – Не бойся. Тебе уже пора привыкнуть к моим появлениям. Со страхом мы разобрались в прошлый раз.

– Мессер Софус? – удивилась я. – Как вы здесь оказались? И почему вы вышли из камина?

– Дорогуша, это технические подробности, которые тебе совершенно ни к чему. Лучше скажи, как тебе нравятся изменения, произошедшие в твоей жизни? Я ведь держу свое слово. Твоя жизнь отныне не вернется вспять.

– Спасибо, – улыбнулась я. – Я еще не знаю, как будет там, в замке герцога, но надеюсь, что сумею прижиться.

– Ты выбрала удивительно точное слово, дорогуша. Ты словно ветка дикой молодой яблони, которая привьется к иссохшему старому дереву и даст новые побеги и сладкие плоды. Что, когда надо, и я могу выражаться поэтически?

– Я и не сомневалась в ваших способностях, мессер. Но позвольте вопрос. Почему мы встречаемся только по ночам?

– Ночь – это мое время, лапочка. К тому же я специально сделал так, чтобы ты обо мне не вспоминала до тех пор, пока я сам этого не захочу. Это избавит тебя от искушения выболтать наш секрет.

– А у нас есть секрет?

– Конечно! Это – наши отношения. Мы партнеры, дорогуша. Ты нужна мне, а я... я тоже сыграю в твоей жизни серьезную роль.

– Но что я должна для вас сделать, мессер?

– Не волнуйся, еще рано. Сейчас тебе предстоят более важные дела – например, подружиться с юной герцогиней Оливией Монтессори.

– Это само собой, раз меня везут к ней.

– Дорогуша, не так все просто!

– Что вы имеете в виду, мессер?

– Эта девочка, она, скажем так, непростая. Поэтому тебе потребуется недюжинное терпение, чтобы завоевать ее доверие и внимание.

– Я постараюсь.

– Уверен в тебе, дорогая. Но чтобы тебе было проще, возьми этот камешек.

Крыс протянул мне небольшой черный, гладкий, как стекло, камешек.

– О, – удивилась я, взяв его.

– Это волшебный камешек, он дарит молчаливую мудрость, дорогуша, – сказал мессер Софус. – Пользоваться им довольно просто: когда ты понимаешь, что словами и разговорами ты не можешь убедить своего противника, возьми в рот этот камешек. И молчи! Молчи многозначительно, весомо, спокойно. Этим ты приведешь любого противника в замешательство, ибо ничто так не пугает людей, как молчание в их адрес. И тогда ситуация решится в твою пользу, после чего ты сможешь незаметно выплюнуть камешек и спрятать его до следующего раза. Поверь, мне такое средство не раз помогало.

– То есть вы, – я сморщилась от отвращения, – тоже пользовались им?!

– Как ты брезглива, дорогуша, я же всего лишь крыса! – захихикал Софус. – Нет, конечно! У меня таких камешков целое месторождение! Да, и еще. У этого моего подарка также имеется свойство помогать владельцу находить дорогу туда, где его всегда ждут. Тоже может пригодиться, согласись.

– Пожалуй, – я кивнула и спрятала камешек в дорожный мешок.

– А теперь я откланяюсь, – мессер Софус прыгнул в камин. – Спокойной ночи, лапочка!

– Спокойной ночи!

Я встала, спрятала камешек в мешок со своими вещами и снова подошла к окну. Луна спряталась за облако, воздух посвежел, но незнакомая птица пела все так же нежно...

Я проснулась, обнаружив, что задремала в кресле у окна. У меня замерзли руки и затекла шея, но в остальном я чувствовала себя прекрасно.

В дверь постучали.

– Да! – крикнула я.

Вошла толстенькая служанка с кувшином воды и умывальным тазом:

– Как хорошо, что вы уже встали, госпожа! – воскликнула она. – Доброго вам утречка!

– Спасибо, вам тоже. Который час?

– Восемь, госпожа.

Ого! В аббатстве Святого Сердца нас с постелей поднимали в шесть! То-то я чувствую себя как-то странно.

– Вам помочь при умывании, госпожа?

– Я справлюсь, – улыбнулась я. – Оставь кувшин с тазом и покажи, где полотенца.

– Извольте-с. А завтрак подадут через двадцать минут.

– Его светлость уже проснулся?

– Да, он с раннего утра на ногах. Изволил принять обливание холодной водой у колодца, госпожа. А сейчас ждет вас в трапезной.

– Скажи, что я спущусь через пять минут. Ступай.

Ух ты, как здорово, когда тебя называют госпожой и беспрекословно подчиняются приказам!

Я торопливо умылась, привела в порядок волосы, оделась и, надеясь, что выгляжу так же, как майская роза, спустилась в трактир.

Герцог Альбино сидел во главе длинного стола, накрытого затертой бархатной скатертью. Видимо, трактирщик, гордясь тем, что у него такой высокопоставленный клиент, расстарался.

Я остановилась напротив:

– Доброе утро, герцог Альбино.

Он, не вставая, кивнул:

– Здравствуй, дитя. Садись. Хорошо ли тебе спалось?

Я устроилась напротив и ответила:

– Да, я так не спала... не помню, с какого времени. Отчего вы не разбудили меня раньше? В монастыре нас поднимали в шесть утра.

– В этом нет необходимости. Теперь тебе следует привыкать к распорядку замка, в который мы скоро прибудем. Да, вот еще что. Я заметил, что твоя одежда... она слишком монастырская. Полагаю, замковая портниха сможет по-быстрому сшить тебе один-два наряда, чтобы ты выглядела достойно.

– Как угодно, герцог Альбино. Но...

– Что?

– Меня прежде всего занимает вопрос о вашей дочери.

– Как я уже сказал, это донельзя избалованная и капризная девочка, Люция. Я хочу выбить из нее эту дурь. К тому же... – герцог помедлил. – Оливия – моя единственная наследница. Наследство герцогства Монтеessori – это большое богатство и большая ответственность. Уже сейчас руки Оливии ищут несколько знатных, но нищих семейств. Я же не хочу, чтобы она выскочила замуж за какого-нибудь прощелыгу лишь для того, чтобы насолить мне. Но вот и завтрак. Приятного аппетита.

Герцог смолк и в продолжение всего завтрака более не проронил ни слова. Я исподтишка наблюдала за его лицом: оно было бесстрастно и холодно, словно его выточили из цельного куска каррарского мрамора. Мне подумалось, что этот человек не знает никаких чувств, кроме чувства собственного достоинства. Может быть, Оливия Монтеessori и капризная задавака, но отец у нее тоже та еще штучка. Даже удивительно, что он при этом поэт. Поэты – они ведь слюнявые размазни и самовлюбленные задаваки, грезящие только о славе и признании. А герцог – не человек, а стальной гвоздь. Мне так кажется.

После завтрака мы продолжили путь. Воздух разогревался, и я поняла, что день будет не по-весеннему жарким. Меня начинала томить скука. Пейзаж за окном кареты не отличался разнообразием – это были зеленые поля озимых, отделявшиеся друг от друга небольшими купами деревьев. Герцог Альбино опять взялся за книжку. Однако в этот раз он вооружился пером и что-то подчеркивал на страницах. От нечего делать я стала наблюдать за его лицом, и выяснилось, что оно не настолько непроницаемо, как могло показаться раньше. Сейчас брови герцога яростно хмурились, глаза сверкали, тонкие губы презрительно кривились. Ему не нравится то, что он читает, догадалась я, как странно, что он столь эмоционально реагирует на книгу и совершенно

равнодушен к окружающему миру. И тут герцог поймал меня – его взгляд скрестился с моим.

– Вы наблюдаете за мной, дитя? – холодно осведомился он.

– Простите, герцог Альбино, – я смиренно опустила взор, абсолютно точно копируя поведение самой кроткой монахини нашего аббатства, я сейчас непорочная овечка, да и только. – Но разве служанка не должна как следует изучить своего господина?

– Вы не служанка мне, и я не ваш господин, дитя, – резко ответил герцог. – Запомните это. Слуги не ездят со мной в одной карете. Кроме того, вряд ли вы рассматривали мою физиономию, исходя из столь благочестивого посыла.

Я не удержалась и хихикнула:

– Простите, мне было ужасно скучно. За окном ничего интересного, вот и... Между тем у вас в руках книга, и мне стало интересно, что в ней, коль вы так эмоционально ее читаете.

– Вы любите книги?

– Да, равно и чтение. Я прочла в монастырской библиотеке ровно столько, сколько позволяли ее возможности и строгие монахини-хранительницы.

– И что вас привлекло более всего?

– Повествования о путешествиях, об открытиях неизведанных земель, о приключениях великих капитанов и путешественников...

Лицо герцога Альбино поскучнело:

– Что ж ожидать от монастырской затворницы... Вероятно, поэзия не была вашим любимым чтением?

– Нисколько, – вздохнула я. – Хотя прочла очень много произведений поэтов прошлого и современности. Ваши стихи я тоже читала, герцог Альбино.

– А читали ли вы сонеты Дионисия Литанского?

– Да, – я кивнула. – Не могу сказать, что они произвели на меня неизгладимое впечатление.

– Отчего же? Что дитя вроде вас может понимать в поэзии и сонетах?

– Я и не понимаю, – пожала я плечами. – Я ощущаю. Поэзия – это математика, герцог, ритм, размер, граница, оковы. Настоящее стихотворение – это математическая формула или геометрическая проекция. Неумение соблюсти форму и точность губит стихотворение, оно становится мертвым. У мэтра Дионисия мертвые стихи, он совершенно не умеет обращаться с полифонией и тоникой.

– Ба! – герцог откинулся на бархатную спинку сиденья, и в его глазах промелькнуло что-то похожее на уважение. – Да кто передо мной? Монастырская воспитанница или литературный критик? Где вы наострились так выражаться, милочка?

– Нас учили анализировать стихи на уроках изящной словесности, герцог Альбино, – молвила я снисходительно. – В нашем будущем нас ждало общество, где от нас ждали подобных знаний. Нас еще и учили писать стихи...

– Представляю себе!

– Но в этом нет ничего сложного, если помнить о математике.

– А как же полет мысли, вдохновение?

– Их всегда можно подчинить логике. По-моему, вдохновение выдумали те, у кого не хватает таланта логики и рациональности, герцог.

– Интере-есно... Я вот как раз читаю новый сборник стихов Дионисия Литанского и, как вы изволили заметить, весьма возмущаюсь. Не только полным неумением отличить анапест от дактиля, бедной рифмой и длиннотами. Чем больше я читаю, тем более мне кажется, что сей поэт – мучитель слов, заточивший их в застенки своего убогого мозга и терзающий их во имя собственного

удовольствия и славы. Лучше б он стал путешественником!

Я хихикнула:

– Да, и на каких-нибудь Огненных островах, полных дикарей, его принесли бы в жертву кровавому божеству или просто зажарили на вертеле. Но тогда вам некого было бы критиковать, герцог Альбино!

– О, – махнул рукой герцог. – Таковые всегда найдутся. Ваше счастье, дитя, что вы всего лишь девочка, а не прославленный поэт современности. И вам не шлют ежедневно письма и посылки со сборниками стихов, рукописями и прочей белибердой, коей заполнена целая комната в моем замке. И увы, я не могу это просто отправить на растопку камина! Я вынужден все прочитывать и составлять мнение о каждом писаке, возомнившем себя поэтом.

– Но зачем вам столь тяжкое бремя, герцог?

– Его возложил на меня король, который, как известно, является почетным председателем Старолитанской литературной академии. Вообще-то, это его работа, но, разумеется, августейший не станет тратить на нее время. Он поручил сие мне, как первому среди первых. И сколь бы я ни ворчал, я все-таки несу это бремя с терпением – вдруг среди россыпи этих слов найдется что-то по-настоящему великолепное, талантливое, даже гениальное? Если это будет новый Овидий, Гораций либо...

– Альбино Монтессори?

– Хм, ну хотя бы. Впрочем, отложим Дионисия. Вы развлекли меня, Люция, и настроили на благожелательный лад. Лучше раскройте вашу тайну: вы сами пишете стихи?

– Избави Исцелитель, герцог! Никогда!

– Но вы так хорошо охарактеризовали поэзию, как математически точную науку, как свойство разума.

– Да, я понимаю поэзию. Настолько хорошо, что не имею ни малейшего желания экспериментировать в этой области. Это для меня слишком просто.

– Ну, например.

– Что?

– Сочините сонет прямо сейчас. Или экспромт-катрен.

– Извольте.

Я подумала минуту, а потом продекламировала:

Чтоб рассеять дорожную скуку,

Я поэзию чту как науку,

Но попутчик со мной не согласен

И поэтому слишком опасен.

Герцог рассмеялся.

– Очень мило! Если не считать рифмы бедными, а смысл не соответствующим действительности. Кстати, взгляните в окно: мы почти на месте.

Я выглянула в окно и увидела, что наша карета приближается к огромному замку, окруженному защитным рвом и насыпным валом. Я услышала звон колокола.

– Кастелло ди ла Перла приветствует нас, – пояснил герцог Альбино.

– Замок Жемчужины? – удивилась я. – Ах да, вспомнила: ваша первая книга стихов так и называлась – «Жемчужина».

– Верно. У вас хорошая память.

– Не жалуюсь.

– Что ж, надеюсь, вам понравится место вашей будущей работы.

С грохотом опустился подъемный мост, и карета въехала в обширный двор замка. Отворилась дверца, и я увидела два ряда слуг, выстроившихся по обе стороны алой ковровой дорожки. Напротив кареты стоял высокий худощавый старик в сиреневой ливрее, обшитой золотым позументом. Он низко поклонился:

– Добро пожаловать домой, ваша светлость!

– Спасибо, Фигаро.

Герцог вышел из кареты и подал мне руку:

– Это госпожа Люция Веронезе, компаньонка моей дочери.

Еще один поклон:

– Добро пожаловать в замок, госпожа.

Герцог и я шли сквозь строй кланяющихся слуг, и Альбино говорил, поддерживая мою руку:

– Фигаро – мой домоправитель, но вопросы вашего размещения в замке решит экономисса. Ее зовут Сюзанна.

Я шла, оглядываясь по сторонам, и поражалась тому, как огромен был замок. Мы прошли через внутренний двор и оказались в холле – большом круглом зале, поддерживаемом резными мраморными колоннами. На верхние этажи замка уходили две широкие лестницы, по ним же можно было подняться на галерею, опоясывающую холл поверху. Множество гобеленов и рыцарских знамен украшало стены замка.

– Кастелло ди ла Перла – один из лучших замков Старой Литании, – чуть наклоняясь ко мне, сказал домоправитель. – Его величество, охотясь в здешних местах, изволил дважды посетить замок, и о том сделана запись в памятной

книге.

– Чудесно, – прошептала я. Не потому, что здесь бывал король, а потому, что замок действительно был прекрасен. Он словно сошел с картинки в рыцарском романе, так все в нем было совершенно, изящно, соразмерно и гармонично. Стихотворение, поняла я, замок напоминает мне стихотворение. Да не какое-то там, а трехдольник, анапест! Так чередуются колонны, плитки в мозаике, светильники на стенах и потолке! Тот, кто создал этот замок, понимал толк не только в архитектуре, но и в поэзии!

– Люция, – голос герцога вернул меня к действительности. – Прошу вас познакомиться с госпожой экономиссой моего замка. Ее зовут Сюзанна, но вы должны обращаться к ней «метресса». От благорасположения госпожи Сюзанны зависит мягкость ваших тюфяков в кровати и свежесть яиц, поданных к завтраку.

Я низко присела в реверансе перед женщиной, которая, на мой взгляд, ужасно стеснялась всех тех слов, которые говорил о ней герцог Альбино. Метресса Сюзанна была низенькой толстушкой с огненно-рыжими волосами, заплетенными в две толстые косы и уложенные венцом на голове. Платье на ней было густо-винного цвета, а единственным его украшением был парчовый широкий пояс, к коему крепилось кольцо с огромным количеством ключей. Лицо экономиссы было такое простодушное и незатейливое, что напоминало по простоте своей лист подорожника. Глаза, правда, были цепкие, она вмиг окинула меня с головы до ног испытующим взглядом, но суть этого взгляда я поняла: не враг ли я замку, герцогу и всему человечеству. Если замок был стихотворением, то метресса Сюзанна, пожалуй, играла роль заголовка.

– Люция, добро пожаловать в замок, – мягким голосом сказала метресса Сюзанна. – Тебе здесь понравится, и когда герцог не слышит, ты можешь называть меня просто Сьюзи.

– Нет, метресса, я не могу, – честно сказала я, ибо эта женщина вызвала во мне восторг, словно была пряничной феей. – Но я надеюсь на вашу дружбу и приложу для этого все усилия.

– Отлично, – улыбнулась Сюзанна. – И первый шаг на этом пути – смена твоего гардероба. Людей, которые раньше тебя одевали, надо, надо...

– Закидатьдохлыми лягушками? – подсказала я.

– Да! – Сюзанна хлопнула в ладоши. – И вареным луком!

Мы тихонько рассмеялись, и тут я вспомнила про герцога.

– Ваша светлость...

– Продолжайте, продолжайте, – махнул он рукой. – Кажется, у госпожи экономиссы появилась еще одна подруга по чаепитиям со сдобой.

– Совершенно верно, ваша светлость, – Сюзанна присела в поклоне. – Могу ли я забрать Люцию и идти устраивать ее покои?

– Нет, погодите. Я не вижу виновницы торжества. Где моя дочь?

– Фигаро пошел в ее покои десять минут назад, но... Вот и он.

Домоправитель с постным лицом и странным именем Фигаро подошел к герцогу и развел руками:

– Ваша светлость, покои молодой герцогини заперты, на стук никто не отзывался. Возможно, Оливия уединилась в библиотеке или оранжерее, я немедленно отправлюсь туда...

И тут мы все услышали вой.

Нет, вой – это не точное обозначение той какофонии звуков, которую производил незримый оркестр. Нет, уже зримый: мы подняли головы и увидели, как по галерее к центральной лестнице мерно вышагивают люди в каких-то черных хламидах с капюшонами. В руках у них были скрипки, лютни, цимбалы, флейты, с помощью которых они неистово завывали, скрипели, звенели, гудели и брякали.

– Это что еще такое? – грозно сдвинул брови герцог, но затем я увидела, как его лицо стало обреченно-печальным: он понял, что это – проказливый замысел его дочери. Ну, ее счастье, что она имеет столь терпеливого отца, будь я на его

месте, она бы неделю кушала стоя, а вся замковая крапива пошла известно в какое дело!

«Музыканты» по широкой лестнице спустились в холл и выстроились напротив нас. И тут они совершенно слаженно, с чувством и талантом принялись играть погребальный гимн «О меа лакрима». Понятно, что все это часть проказливой затеи, и нам следует лишь созерцать и развлекаться, но я не любила этот пронзительный гимн, мне стало не по себе.

Внезапно две половины одного гобелена разъехались в стороны, как створки дверей, глазам нашим предстали полуосвещенный коридор и процессия,двигающаяся в зал. Впереди шел юноша в церковном стихаре и нес зажженную свечу. Далее двигался «священник» с кадильницей на цепочке, помахивающий ею из стороны в сторону, так что все наполнилось густым ароматом благовоний. Затем шествовали шесть носильщиков, несших гроб. Замыкали шествие два подростка, выряженные монахами и тащившие два табурета.

Процессия остановилась в центре зала. «Монахи» поставили табуреты, и на них водрузили гроб. Меня передернуло. Он был доверху заполнен бутонами белых роз, так что не было ясно, кто лежит под ними. Но я-то уж не сомневалась, что всю эту отвратительную причуду придумала и воплотила в жизнь Оливия Монтессори! И это изнеженное дитя, которому нужна компаньонка?! Да ей дрын хороший нужен и десяток-другой розог, вымоченных в соленом кипятке!

Меж тем безобразие продолжалось. «Священник», размахивая кадильницей, заговорил громким и гнусавым голосом:

– Возлюбленные об Исцелителе братья и сестры!

– Амен! – пропел хор.

– Скорбный час собрал нас у гроба неподражаемейшей сестры нашей герцогини Оливии Монтессори, покинувшей сию юдоль скорби во цвете лет!

– Амен!

– Покойную сестру нашу отличали высокие добродетели, вороватые руки, тощий зад, косые глаза и кривые ноги, что, как мы знаем, является особым даром благодати Исцелителя нашего.

– Амен!

– Восплачем же и возрыдаем!

– Возрыдаем! Ой возрыдаем!

– Амен!

Кошунники плакали и тряслись в экстазе скорби у гроба минут пять-шесть. Ни герцог, ни кто-либо из его окружения в это время себя никак не проявили. Наконец запал лицедеев иссяк, они остановились, притихли и стали бросать в сторону герцога нервные и испуганные взгляды. Ой, какая порка предстоит! Всем поркам порка!

В зале воцарилась полная тишина. Молчали зрители, молчали актеры, покусывая губы. Пауза была настолько гнетущей, что хотелось разбить тарелку, но хоть как-то исправить положение.

И тут гроб взорвался розами. Я, конечно, преувеличиваю, говоря так, но в тот момент это выглядело сильно. Я даже подпрыгнула от испуга.

В гробу сидела девушка. Определенно. Она была абсолютно лысая, в ушах имела по несколько серег. Глаза у нее были густо обведены черной тушью, да и губы выглядели так, словно она золу ела. Одета она была в белую мужскую сорочку и много-много цепей и цепочек – на шее, запястьях, даже локтях. Девушка посмотрела на всех исподлобья и прорычала:

– Почему никто не приветствует герцогиню Оливию Монтессори?!

Ответом была тишина. Все ждали слова хозяина, и оно прозвучало:

– Здесь нет герцогини Оливии Монтессори, а есть глупое, вздорное, наглое и бесстыдное существо, коему я, как герцог замка, назначаю наказание в виде

комнатной порки розгами.

Ох, я как в воду глядела! Я моментально чую, когда дело пахнет поркой!

– Что?! – ахнула Оливия, мгновенно теряя боевой запал. – Я же просто пошутила! Я развлекалась!

– Некоторые шутки наказуемы, а если слух о них дойдет до Святого престола, наказуемы дыбой, костром и колесованием. Оливия, вы, как изобретательница всего этого безобразия, получите пятнадцать ударов солеными розгами. Остальные участники – по десять.

– Но почему мне больше? – с лысой девицы слетела всякая спесь, и сейчас я видела просто глупенькую, заигравшуюся, капризную девчонку.

– Вы зачинщица, Оливия. Однако я проявил к вам милосердие – вас будут пороть в комнате, тогда как все остальные будут выпороты во дворе замка в присутствии челяди. Каким образом вашей бесстыдной банде удалось раздобыть священные предметы и облачения?

– Я залез в ризницу замковой церкви, ваша светлость, – дрожа, выговорил один из «монахов».

– Твое имя?

– Карло Чиколло, мессер. Я помощник конюха, мессер.

– Я отдаю тебя в монахи. Сегодня же напишу в братство Святого Целестина. Надо поощрять столь ревностное отношение к религии.

– Пощадите, ваше сиятельство! Я не хочу в монахи! Там же оскопляют!

– Зато у тебя всегда будет прекрасный голос. Братство Святого Целестина гордится своим хором с потрясающими мужскими сопрано. Все могут идти. Нет, вы и вы – помогите герцогине выбраться из гроба. Оливия, где ваши костыли?

– Здесь, – с ненавистью процедила Оливия.

Когда она встала, поддерживаемая костылями, я увидела, что юная Оливия, возможно, имела право глумиться над высокими материями. У нее была сильно искривлена спина, так, что голова не могла сидеть прямо, а склонялась к правому плечу, да к тому же одна нога была короче другой. Я никогда не видела людей с физическими уродствами, поэтому меня словно хлестнули по глазам. Она калека! Недочеловек! Для чего ей жить, если вся жизнь для нее – эти костыли! И как смел герцог дать этой несчастной наказание поркой розгами?!

Оливия подковыляла к герцогу и криво поклонилась:

– Мое почтение, мессер отец.

– Я тоже рад вас видеть, дитя мое. Полагаю, вы в добром здравии.

– Насколько возможно в моем положении, мессер отец.

– Ум ваш, во всяком случае, чрезвычайно изобретателен. Я спешу вас обрадовать. Дабы дни ваши не проходили в праздной скуке, я привез вам компаньонку. Извольте познакомиться – Люция Веронезе. Выпускница пансиона при аббатстве Святого Сердца. Отрекомендована в числе лучших учениц.

Это он про меня? Ой, кошмар. Я же вижу, как глаза Оливии стали совершенно бешеными от желания изничтожить меня, отцовский подарочек. Если уж она не боится устраивать маскарады вроде того, что был недавно, мне несдобровать. Но, может быть, если я покажу ей свое сочувствие...

– Я рада быть вашей компаньонкой, герцогиня Оливия, – сублимируюсь в сливочное масло, молвила я. И получила:

– С какого дрына? Отец, мне не нужна никакая компаньонка! Лучше прислали бы мне нового учителя фехтования.

– Вам нужна компаньонка, дитя мое, – ровно молвил герцог. – И вы ее получили только что.

– Не, ну дрынасе! Если она вдруг из окна выпадет или во рву утонет – я тут буду ни при чем. Предупреждаю сразу.

– Юная госпожа, все не так плохо, вы подружитесь, – улыбнулась Сюзанна. Видимо, она была не просто экономиссой, а главным замковым миротворцем. – Сейчас я размещу Люцию в ее покоях, а за обедом вы сможете познакомиться ближе.

– Елкин дрын! – вспухла Оливия. – Это еще что – слуги будут сидеть с нами за одним столом!

– Люция не слуга вам, – отчеканил герцог Альбино. – Она ваша компаньонка. И вы лишены сладкого на сегодня за употребление слов, унижающих вашу родовую честь. Да, и не забудьте, у вас на сегодня еще порка. Фигаро, идемте, мне нужно проверить дебетные книги...

– Ваша светлость! – воскликнула я.

– Люция? – герцог удивленно обернулся. – Что-то еще?

Я склонилась в низком реверансе:

– Я прошу вас отменить наказание для госпожи Оливии. Она просто не подозревала, что ее шалость зайдет так далеко...

– Люция, – в голосе герцога послышалось утомление. – Выгораживая мою дочь, вы тем самым не добьетесь ее благосклонности. Поверьте. И Оливия всегда прекрасно знает, что последует за ее очередной затеей. Так что не трудитесь.

– Идемте, милочка, – взяла меня под руку Сюзанна.

Пока мы шли по коридору, ведущему в жилые покои замка, Сюзанна вздыхала и сокрушалась, а заодно довольно бестолково просвещала меня в делах замковых интриг:

– Оливия – несчастнейшее существо из живущих, поверьте мне, девочка моя. Ее уродство, проявившееся в первые годы жизни, оказалось неизлечимым, сколь ни тратились мы на лекарей. А потом злые языки... Ну вы же знаете, людям рты не заткнешь... Стали поговаривать, что недуг Оливии – следствие проклятия, наложенного кем-то из людей, обиженных герцогом Альбино. Но ведь разве всех

обиженных перечислишь! Об исцелении Оливии молились во всех церквах герцогства, мало того, была снаряжена паломническая миссия к Святой Мензурке Исцелителя для самой сильной молитвы!

– Но это ничего не дало, – пробормотала я.

– Да, – вздохнула Сюзанна. – Словно Исцелитель отвернулся от бедной девочки. И тогда пошли другие разговоры, пострашнее: что в деле замешаны чары, волшба, ну вы понимаете.

– То есть?

– Стали поговаривать, что Оливия – служанка Истребителя, спаси нас и помилуй Святая Мензурка! Что рождена Оливия на погибель роду человеческому, что когда она достигнет совершеннолетия, за ней придет он, сделает своей Черной Невестой, и они вместе на земле воцарят хаос, зло и разор. Я в это не верю, спаси нас и помилуй Святая Мензурка.

– Я тоже не верю. Глупости. Просто у Оливии редкое, еще неизвестное науке заболевание, и нужно найти лекаря, который сможет его излечить.

– Люция, вы умница. И мы пришли.

Она толкнула рукой резную створку двери, и мы вошли в комнату, которая была просто прелестна. Идеальные покои для юной девушки. Во всяком случае, именно такими они представляли в моих мечтах до тех пор, пока я не стала мечтать о капитанской каюте собственной баркентины.

Стены комнаты были обиты светло-золотистым шелком, отчего казалось, что здесь все время солнечно. Большое окно украшали многослойные занавеси с вытканными на них гербами герцогов Монтессори. Камин уже был разожжен, приятно пахло кедровыми поленьями, перед камином стояло кресло, на спинку которого опиралась высокая, костлявая девушка в скромном платье, шали и чепчике.

– Люция, это Катарина, старшая замковая портниха. Во владении иглой ей нет равных.

– Ну вы уж скажете, матушка, – пробасила смущенная Катарина. – Давайте-ка я сниму мерки по-скорому, да к обеду уже сошью какое-никакое платьишко для молодой госпожи. А то одета она ровно гусыня с ярмарки.

– Гм, – только и сказала я.

Катарина достала мерную ленточку и принялась обмерять меня, быстро проговаривая цифры.

– Как вы это запомните?

– Восемнадцать... Исцелитель дал хорошую память, госпожа. Не мешайте... Вот, все, мерки я сняла. Метресса Сюзанна, вы позволите взять для платья отрез синего габардина, что лежит в третьем ларе, кладовка третья, место справа?

– Тот, что дарила госпожа Тончини к сельскому празднику?

– Да.

– Именно его я и хотела тебе предложить. Возьми кружев из четвертой шкатулки слева в пятом ряду. И саржи на подкладку, ну, ты помнишь где. А пластинки для корсета лежат в старом комоде, третий ящик.

Катарина поклонилась и убежала.

– Моя гордость и радость, – сказала метресса Сюзанна. – Я вырастила ее в замке, и, когда состарюсь и уеду в деревню пасти гусей, она займет место экономиссы.

– Ну да, – уважительно протянула я. – И что, она действительно сможет сшить мне платье к сегодняшнему обеду?

– Разумеется, – пожала плечами госпожа Сюзанна. – Конечно, ей помогут еще две белошвейки – обметать, стачать швы... А кроит и силуэт придумывает сама Катарина. У нее безупречный вкус, и очень жаль, что молодая госпожа Оливия ненавидит платья. Нося мужские лосины и туники, она демонстрирует всем свое уродство, что, конечно, не говорит о ее чести и разуме. Что ж, возможно, когда-нибудь она образумится. Мы все молимся об этом.

– Когда герцог приглашал меня стать компаньонкой госпожи Оливии, он обрисовал свою дочь как изнеженное, капризное, избалованное существо. Что-то я...

– Герцог был совершенно прав, дитя мое! Оливия донельзя избалована, а уж какие у нее капризы – сама видишь. Плохо только, что замок полон ее ровесников из знати помладше – их родители спихнули на наши хлеба вроде как для того, чтобы Оливии не было скучно. Вот они и развлекаются.

– У нее злобный ум, – задумчиво протянула я.

– И коварное сердце, – прошептала Сюзанна. – Измученное, жалкое и при этом очень коварное. Будьте осторожны, дитя мое.

– Ничего, – усмехнулась я. – Я смогу за себя постоять.

Обед в замке подавали в два часа пополудни. И ровно в половине второго в мою комнату постучалась Катарина.

– Ваше платье, молодая госпожа. Помочь вам одеться?

– Если не трудно. И еще. Сюзанна ушла распоряжаться по хозяйству, а я еще не очень хорошо разбираюсь в замковых покоях. Вы проводите меня в обеденный зал?

– Конечно.

Катарина споро облачила меня в восхитительное платье, сделавшее меня стройнее и даже чуть старше своих лет. Я выглядела молодой госпожой, дочерью какого-нибудь мелкопоместного дворянина, приехавшего погостить в замок. Волосы она посоветовала мне распустить и просто подобрать с боков темно-синими кружевными лентами, идущими к цвету моих глаз. В результате из зеркала на меня смотрела вполне симпатичная девушка, неиспорченная и даже несколько целомудренная. Кто меня не знает ближе, могут очень легко обмануться, если станут судить обо мне лишь по внешнему виду.

– Идемте, – сказала Катарина. – И постарайтесь с первого раза запоминать дорогу. Вам предстоит здесь долго жить.

– Конечно.

Глава пятая

Уроки светскости

У меня часто спрашивают, как вести себя в обществе. Я привожу в пример картофельное поле: все растут, все цветут и никто не высовывается. Не высовывайтесь, и любое общество будет к вам благосклонно.

Из проповедей Его Высокоблагочестия, т. 109

Катарина подвела меня к дверям обеденного зала и словно растворилась в полумраке коридора. Я потянула на себя тяжелую резную дверь и вошла. Обеденный зал, как и многое в этом замке, был колоссальным по размерам. В центре стоял длинный овальный стол, притягивающий взоры роскошной сервировкой и множеством серебряных ваз с розами и лилиями. Зал был ярко освещен свечами, и я увидела, что в благопристойной близости к столу прогуливаются парами и небольшими группками человек двадцать пять – тридцать. Преимущественно взрослые, но затем я заметила, что украшенные мозаикой стены подпирают с полдюжины подростков вроде меня, и вид у них голодный и раздраженный.

Внезапно около меня материализовался мессер Фигаро и тихо молвил:

– Я очень рад, госпожа Люция, что вы явились к обеду без опоздания. Позвольте, я познакомлю вас вон с той группой молодых людей, один из них поведет вас к столу. Так принято.

– А почему никто не садится за стол? – тихо спросила я.

– Ждут появления его светлости, – пояснил Фигаро. – Идемте.

Фигаро изящно взял меня под руку и столь же изящно подвел к группе юнцов, от скуки выдергивающих золотые нити из окантовки гобелена.

– Добрый день, господа, – молвил он, учтиво кланяясь. – Позвольте представить ваше благородное общество компаньонке герцогини госпоже Люции Веронезе.

У юнцов сразу загорелись глаза. Все-таки я буду поинтересней гобелена. Хотя бы первые пять минут.

– Господин Паоло Кондорито, сын поставщика двора его величества.

Паоло был прыщав и надменен. На правом предплечье его куртки был приколот здоровенный бант из золотой парчи. Из уроков придворного этикета я вспомнила, что такой бант на плече юного господина означает, что у него имеется высокородная возлюбленная-покровительница. То-то он на меня даже глазом не повел. Хотя мне слабо верится, что с такими прыщами можно оказаться любовником знатной дамы... Впрочем, о вкусах не спорят. Может, она делается сама не своя от наслаждения, когда устраивает ему чистку лица.

– Госпожа Люция Веронезе – господин Андреас Папандреу, старший сын валахского князя древнего рода Папандреу.

Ой, ну этот вообще практически отвернулся. Древний род! Густая кровь! Куда мне до него! Хотя Валахское княжество – нищее, да и на карте имеет размер собачьей блохи.

– Братья Эдмунд и Сервант Макконахи – единоутробные сыновья Рочестера Макконахи, дальнего родственника рода Монтессори по отцовской линии.

– Привет, – выдали братцы. Ну, эти хоть рты открыли.

Я посмотрела дальше, и, как поется в известной душещипательной лирической балладе, мое сердце остановилось.

На меня с веселыми искорками в бессовестных карих глазах смотрел юноша лет восемнадцати, то есть достигший совершеннолетия, и рядом с ним все остальные казались просто щенячьим выводком. Он был строен и подтянут, его

кожа, казалось, излучала свет, как излучают его старинные изваяния из мрамора. Во всем облике наблюдалось такое благородство, что я не могла понять – что он делает здесь, а не при королевском дворе?

– А это, – молвил Фигаро, – подающий большие надежды и близкий самому герцогу поэт Юлиан Северянин.

– Рад знакомству, прекрасная госпожа, – учтиво склонил голову поэт.

Что это значит – «близкий самому герцогу»?

Я постаралась стряхнуть с себя наваждение его глаз и сделала общий реверанс:

– Я безмерно счастлива, господа, нашему знакомству. Надеюсь, что у нас найдется немало тем для бесед. Я бы хотела осмотреть здешние гобелены. Никто не составит мне компанию?

– Удостойте меня этой чести, прекрасная госпожа, – поэт Юлиан Северянин протягивал мне руку и улыбался, как падший ангел из верховного легиона Истребителя.

Я лишь улыбнулась в ответ, и мы двинулись по залу, осматривая гобелены. Якобы осматривая гобелены. На самом деле я только и делала, что бросала исподтишка взгляды на подающего надежды поэта. Хорош, нет, прекрасен! И очень, очень зловреден, коварен и испорчен – свои собственные пороки я очень легко могу определить в других людях. Может быть, поэтому он не носит банта высокородной любовницы на своем гордом плече. С ним боятся связываться, чтоб не погубить репутацию. Или наоборот, у него, наверное, этих бантов столько, что он их коллекционирует, прикалывая на стенку булавками, как бабочек. Я невольно хихикнула.

– Сюжет этого гобелена вызвал ваш смех, прекрасная Люция? – спросил Юлиан и показал на гобелен, у которого мы остановились. Я всмотрелась, оказалось, что сюжетом был Вселенский пожар.

– О нет, конечно, – смутилась я. – Это просто мои нескромные мысли...

– У вас имеются нескромные мысли? У такой строгой на вид девушки? – Юлиан сверкнул глазами. – Не изволите ли поделиться ими?

– Просто я подумала, – залепетала я. – Ваш вид настолько прекрасен, что у вас наверняка имеется легион поклонниц...

– Я понял вашу мысль, не продолжайте, – тихо засмеялся Юлиан. – Увы, еще ни одна высокородная дама не удостоила меня своим вниманием и бантом. Я ужасно одинок, прекрасная Люция, особенно в этом замке.

– Отчего же? Герцог – поэт, и вы тоже, разве вы не ведете достохвальные беседы о поэзии, о вдохновении...

– Ведем, – помрачнел Юлиан. – Если б вы знали, как мне эти беседы осточертели! Я бы предпочел разговор со скотницей или шорником, но Исцелитель, видно, услышал мою молитву и послал мне вас.

– Вообще-то, я здесь в качестве компаньонки герцогини Оливии.

– Это ничего не значит. Оливия любит быть одна, и мы с вами составим прекрасную пару собеседников, поверьте. О, а вот и его светлость!

И верно. В зал вошел герцог, сопровождаемый двумя огромными поджарыми черными собаками. Фигаро ударил в маленький медный гонг:

– Его светлость герцог Альбино Монтессори! Прошу к столу, господа!

Все немедленно разбились на пары, мужчины подвели к столу своих дам, усадили и уселись сами. Мы – молодняк – не отстали в изяществе. Просто балет какой-то, а не обед! Даже собаки сидели по обе стороны от герцогского кресла с видом аристократическим и высокопарным.

Немедленно за нашими спинами засновали слуги, выкладывая на серебряные тарелки горячие и холодные закуски. Чего тут только не было! Фаршированные телячьим паштетом фазаньи яйца, мясное ассорти с несколькими видами приправ и пряностей, трехслойные жирные рулеты, наколотые на серебряные шпажки, моченные в вине яблоки, резные фигурки из перченого сала дикого

вепря... Это лишь то, что я успела разглядеть. Возле меня остановился слуга с подносом:

– Что угодно госпоже?

– Рулет и мясное ассорти из белого мяса.

Слуга немедленно положил это в мою закусочную тарелку, и я возблагодарила Исцелителя за то, что в пансионе нас учили правилам поведения за столом. К закусочной тарелке не полагалось ножа, а лишь двузубая вилка, и нужно было прилагать все усилия, чтобы при помощи этой вилки есть, не роняя ничего в тарелку.

У меня получилось. Тут виночерпий герцога налил вина в его чашу, слуги так же поступили с нашими бокалами.

– Ваше здоровье, господа, – негромко сказал герцог, приподнимая бокал.

Он пригубил вина, и я почувствовала, что атмосфера стала менее напряженной. Гости мессера Альбино принялись пить, есть и трещать меж собой так, будто до этого момента молчали, словно рыбы.

Едва подносы с закусками стали пустеть, слуги принялись обходить стол с несколькими супницами из фарфора густо-синего цвета, кажется, это чрезвычайно дорогой сорт фарфора, его называют «кобальтовый лоск». Было три вида супов: сырно-луковый с сухариками и мясными шариками, рыбный – из трех сортов рыбы и, как я слышала еще в пансионе, входящий в моду у знати суп из капусты, нескольких видов колбас и отварной свеклы.

Я решила попробовать модный суп. И что же? Он почти не отличался от тех щей, что готовила моя приемная мать в своем трактире! Эту знать с ее странными вкусами просто не поймешь.

К супу также подали вино, я отпила из бокала и услышала, как меня окликают Юлиан:

– Прелестнейшая Люция, неужто капустный суп так увлек вас, что вы не хотите одарить меня беседой?

Я посмотрела на Юлиана:

– Отнюдь. Просто этот суп удивил меня.

– Чем же? Капустой?

Я улыбнулась:

– Нет, тем, что в простонародье он называется «щи» и подается в любом приличном трактире за два с половиной сольдо порция. Разве что в трактире в него вместо колбасы кладут свиные шкварки.

– Откуда вы это знаете? – сделал большие глаза Юлиан.

– Так вышло, что свои ранние лета я провела в трактире, – со вздохом молвила я.

– Я вас обожаю! – томно прорычал Юлиан. – Наконец-то в этом гадючнике появилась хоть одна нормальная девушка. А то все виконтессы, принцессы да баронессы приезжают, а от них тоска зеленая! А вы знаете какие-нибудь трактирные песни?

– Множество. От «Только кружка эля на столе» и «Кордосский перевал, ветер западный» до «Я тебе не девочка, видишь – борода?»

– Восхитительно! Вы обучите им меня, и мы будем петь их дуэтом на первом же салонном вечере, который устроит герцог. Это будет незабываемо! Оливии тоже понравится. Кстати, что-то она не явилась к обеду.

– Вероятно, это из-за наказания, наложенного нынче на нее отцом.

– Странно, я ничего об этом не слышал. Впрочем, я был в западном крыле замка, там отличная библиотека – стоит взять любую из книг, начать читать, и после пяти строк тебя неизменно охватывает непреодолимая сонливость. Так что я все проспал над академическим трудом философа Николая Пизанского. Расскажите

же мне, что натворила на сей раз наша драгоценная Оливия.

– Ох... Это была отвратительная насмешка над обрядом выноса и отпевания покойника. Оливия играла роль покойницы, а ее приспешники вырядились в монахов и священников.

– Вы сказали это таким тоном, будто осуждаете эту шалость.

– Осуждаю. И не в том дело, что я религиозна и благочестива, не подумайте, этого и в помине нет! Но я все-таки не зря грызла корки прописных истин в пансионе и одну истину выучила назубок: ворует пирог – выясни сначала, кому он принадлежит.

– Я не понимаю вас.

– Есть вещи, которые делать просто нельзя. Не потому, что это безнравственно или неприлично, а потому, что это верная смерть. Нельзя совать руку в корзину с ядовитыми змеями или целовать раскаленную сковороду, это любой дурак знает. И любой житель нашей страны в курсе, как карает святая юстиция за оскорбление чувств верующих и тем более за насмешки над верой! Одного доноса в ближайшую святую канцелярию будет достаточно, чтобы Оливию и ее тупых дружков растянули на колесе или подвесили на дыбе. Или живьем зажарили в медном быке.

– Но ведь никто об этом не узнает. Я надеюсь.

– А если? И Оливию не спасет даже то, что ее отец – герцог и великий поэт, приближенный к королевской особе. Ему же еще и достанется на орехи – почему вырастил столь неблагочестивую дочь! Разве непонятно?

– Так вы не за Оливию переживаете, а за герцога?

– Разумеется. Мессер Альбино – мой работодатель, а Оливию я еще толком и не знаю. Послушайте, предлагаю вам после этого обеда отправиться навестить Оливию. Наверняка порка испортила ей настроение, к тому же досадно сидеть без обеда. Я попрошу кого-нибудь из слуг собрать нам поднос с едой, его и отнесем герцогине. А ваша помощь мне нужна потому, что я еще плохо знаю

расположение комнат в замке. К тому же я побаиваюсь оставаться наедине с госпожой Монтессори. Пока, во всяком случае.

– С удовольствием поддерживаю вас. Возвращаться в библиотеку и штудировать том какого-нибудь очередного философа – выше моих сил. Хоть развлекусь.

Я почувствовала себя гордой и мудрой оттого, что придумала всю эту затею.

Взрослая часть стола рассуждала на темы, далекие от моих интересов. Такие слова, как «дефолт», «внутренний долг», «стагнация рынка» и «кризис вассально-рыцарской геополитики», вызвали у меня разве что легкий приступ мигрени. Я улыбнулась Юлиану и принялась за фаршированную индейку с пикулями. Хм, если меня тут так будут кормить каждый день, я превращусь в бочонок сала! Надо себя ограничивать.

Обед закончился десертом – фрукты во льду и несколько сортов сыра. Теперь я только и думала, как выскользнуть из-за стола и не тратить времени на пустые разговоры. Но мне помог сам герцог Монтессори.

Омыв в серебряной чаше руки, он встал и сказал:

– Господа, я благодарен вам за компанию. Обед удался. Надеюсь, кто-нибудь из вас составит мне компанию в партии ма-цзяна. Эту презанимательную игру мне прислали из Яшмовой империи. Также к вашим услугам моя галерея изящных искусств и оранжерея. Надеюсь, вы не заскучаете.

После этого все торопливо встали, шумно и разноголосно поблагодарили герцога и заверили его в том, что скучать им никак не придется.

Я придержала у своего стула служанку с подносом:

– Я могу отнести обед госпоже Оливии? Я ее компаньонка.

Служанка поклонилась:

– Сударыня, мессер Фигаро уже распорядился, чтобы в покои герцогини доставили обед. Но вы можете отнести ей корзинку фруктов, я сейчас соберу...

Так, с корзинкой, полной спелых персиков, винограда и вишни (откуда они здесь весной, из какой страны их доставляют герцогу?), я в обществе прекрасного Юлиана поплелась в покои своей госпожи.

Первое, что отличало покои юной Оливии от всех прочих, так это огромное количество всяких наклеек, наклепленных на дверь из благородного мореного дуба. Каким отвратительным вкусом надо обладать, чтобы собирать эти грошовые наклейки, которыми обертывают жевательную карамель для простонародья! Фу!

А еще сверху висел лист бумаги, приколотый к двери настоящим дамасским стилетом:

Кто будет беспокоить понапрасну – изуродую. Фак с вами.

Я поморщилась. Пожалуй, мне придется трудновато на первых порах. Ничего, если что, потребую у герцога повышения жалованья.

Не постучавшись, я открыла дверь и вошла. Комната юной герцогини была захламлена так, что шагу ступить негде. Я беспомощно вертела головой, пока не услышала:

– А стучаться вас не учили?

В глубине комнаты стояло кресло довольно странной конструкции, с каждого бока у него было по колесу. В кресле сидела Оливия и смотрела на меня, как на грязь из-под ногтей.

– Доброго дня, Оливия, – громко сказала я. – Я просто решила не медлить и приступить к обязанностям компаньонки. А мессер Юлиан желал лицезреть вас и пожелать вам здоровья и всяческих благ...

– Дрына лысого он мне хотел пожелать, – рявкнула Оливия. – Он прекрасно знает, что я о нем думаю. У него такие слащавые стишочки, что меня от них пучит!

– Вы и таких не сочиняете! – огрызнулся бедный Юлиан. – Герцогиня.

– Была нужда... Ладно, – тон Оливии стал миролюбивым. – Заходите, раз приперлись. Садитесь вон там.

Я поставила корзинку с фруктами на столик. Он подозрительно скрипнул. Мы сели на диванчик, устроенный в нише большого окна и одновременно с Юлианом поняли, что Оливия не даст себе труда начать разговор первой и тем спасти общество от мучительно затянувшейся паузы.

– Оливия, – начала я. – Вам, наверное, будет интересно узнать, что я обучалась в пансионе при аббатстве Святого Сердца...

– В топку все пансионы, – деловито пробормотало злобное существо и почесало лысину. – И аббатства тоже.

– А между тем, – елеинным голоском продолжала я, – мы там изучали много интересных наук, например...

– Например, ты знаешь, что такое фистинг? – прервала меня Оливия и уставилась рыбьими глазами. – А сколько оттенков у серого?

Я мгновенно перебрала в уме все известные мне слова на «ф». Фистинга среди них не имелось. И сколько может быть оттенков у примитивного серого цвета? И уж совершенно непонятно, почему Юлиан краснеет и хихикает, как деревенский дурачок.

– Я не знаю, что такое фистинг, Оливия, и насчет серого цвета тоже не специалист, – с достоинством говорю я. – Но зато я легко могу отличить фок-мачту от стеньга-стаксея, а также знаю все румбы и галсы.

– Капитаном хочешь быть? – удивилась Оливия.

– Да.

– Прикольно. Красава. В чем еще разбираешься?

Оливия крутанула колеса кресла и подъехала поближе ко мне:

– Дай-ка я тебя рассмотрю...

У нее был внимательный и пронзительный взгляд.

– Знаешь, я ведь умею читать судьбы людей по их лицам, – сказала Оливия. – За это меня очень не любят все подпевалы моего отца. Я не могу предсказать им ничего хорошего, и это неудивительно – больших тупиц и лицемеров в мире просто не встретишь.

– А Юлиан? – указала я на красавца-юношу.

– Он женится на какой-нибудь сановитой старухе с огромным приданым, в первый же год брака отправит женушку на тот свет, а состояние растратит на вина, карты и шлюх. Одна из шлюх заразит его постыдной болезнью, и он проведет остаток дней своих, гния в трущобах среди бездомных собак.

– Чушь, – посуровел лицом Юлиан. – Да как вы смеете, девчонка! Я вызвал бы вас на дуэль!

– А вызови!

– К вашему счастью, вы калека, так что вам не отвежать моей шпаги.

– Дружок, ты просто трус, – хмыкнула Оливия. – Не хочешь связываться. Я же тебе отмахну яйца своим эспадроном, не вставая с кресла. Да, но тогда не сбудется мое пророчество – без яиц ты не станешь мужем сладострастной старухи и не получишь ее состояния. Живи. Разрешаю.

Юлиан побагровел:

– Мерзавка! Оскорбляя меня, вы сильно ошибаетесь!

– Своему ночному горшку это скажи, – отмахнулась Оливия. – Я никогда не ошибаюсь!

– Тем не менее вы ошиблись, Оливия, – сказала я, – когда затеяли это непристойное представление с гробом и ряжеными. Разве вы не знаете, что это может оскорбить чувства верующих? Вы, конечно, можете заявить, что вас это не волнует, ведь вы дочь богатого и высокопоставленного синьора, он всегда сможет вас защитить от святой юстиции...

– Вот уж кого я меньше всего боюсь, так это святую юстицию, – Оливия смачно надкусила персик, сок потек по подбородку. – Что же касается моего отца, то он просто лицемерный подлец, и я лучше буду заниматься фистингом на ближнем перекрестке, чем попрошу его хоть о какой-то помощи. Я понимаю, что вас он нанял шпионить за мной, что ж, мне скрывать нечего. Пусть он волнуется за себя, за свою поганую и гнилую душу.

– Как вы можете? Ведь герцог Альбино – великий поэт! Его стихи – достояние нашей страны!

– Сочувствую стране, у которой такое дерьмовое достояние. А ты, Юлиан, что скривился? Переживаешь, что я критикую творчество твоего кумира? Ничего, тебе полезно. Я намедни прочитала твой последний венок сонетов... Нашел бы ты себе лучше девушку.

– Как это понимать? – вспыхнул Юлиан.

– Ты слишком перетруждаешь свои руки, милый, смотри, натрешь волдыри, – и Оливия залилась едким смехом.

Юлиан зарычал и вымелся из комнаты, словно демон, окропленный водой Святой Мензурки.

– Ну вот, теперь мы можем поговорить без этого наушника моего папаши, – отсмеявшись, сказала Оливия. – Ешь вишню. Вкусная. А заодно расскажи мне о себе в подробностях.

Я неожиданно смутилась:

– Рассказывать особо нечего.

– Ну, ты же училась в пансионе, среди целой кучи девчонок! У тебя были там подруги?

– Нет, ни одной.

– Как? И ты ни с кем не сплетничала, не болтала о том о сем, не мечтала, что вот приедет прекрасный юноша высокого рода и сделает тебя своей супругой и хозяйкой богатого поместья?

– Ну, другие девочки об этом трещали с тех пор, как научились выговаривать такие слова. Но я не дружила с ними. Мне было неинтересно.

– А что тебе было интересно?

– Путешествия и приключения в неизведанных землях. Ты читала книгу русского мореплавателя Базиля Головина о кругосветном путешествии на шлюпах «Богиня утра» и «Да ладно!»? Как я им завидую! Они видели закаты и восходы в открытом океане, швартовались у земель, где живут только дикари, открыли Золотой город вымершего племени чича-ица... В общем, я, наверное, зря родилась девчонкой. Надо мне было родиться мальчиком в благородной семье, и тогда я точно стала бы капитаном фрегата или бригавеллы и покоряла морские просторы...

– Чушь.

– Что чушь?

– Твоя судьба не зависит от места рождения. Если тебе суждено быть капитаном, ты им будешь.

– А, ты поклонница философии Неизменяемой Судьбы? А если мне суждено родиться уборщицей отхожих мест в каком-нибудь трактире?

– Тоже вариант. Но пока ты здесь в роли моей компаньонки. А там поглядим.

Я так и не узнаю, что такое фистинг, зато...

Я ратую за здоровый образ жизни. Людей, которые впадают в излишества, я рекомендую немедленно высылать на лесоповал или другие полезные обществу работы.

Из проповедей Его Высокоблагочестия, т. 107

Я потихоньку приживалась в замке. Здесь так же, как и в пансионе, все подчинялось строгому расписанию: завтраки, обеды, ужины, встречи с герцогом (он много работал над новой поэмой, но иногда выкраивал время на встречу с дочерью, а я неизменно должна была присутствовать при этом). Не могу сказать, что моя работа и мое особое положение в замке были мне в тягость. Я очень интересовалась жизнью Оливии, насмешливой девочки-уродца, как, наверное, интересовалась бы каким-нибудь редкостным экземпляром таракана. Нет, вы не подумайте, что во мне не пробуждалась иногда жалость к Оливии, так обделенной Исцелителем! Но Оливия чуяла жалость к себе за сто миль и могла за это врезать будь здоров, так что, общаясь с нею, я скорее чувствовала калекой себя.

Знаний в области астрономии, алхимии, физики и географии у Оливии действительно было больше, чем у меня. Несмотря на всю свою скандальность и ершистость, она обожала проводить время в большой библиотеке, открытой для всего населения замка. Я узнала, что в одном из старых донжонов устроена малая библиотека, называемая скрипторий, и пользовался ею только герцог Альбино, там же он работал над своими гениальными стихами. Иногда я по целой неделе не встречалась с ним. Зато кого хватало в замке, так это всяких, непонятного происхождения и возраста, гостей, и дворецкий герцога по этому поводу пребывал в постоянной меланхолии. Оно и понятно: гости, без коих вполне мог обойтись замок, ели и пили как отряд голодных рейтаров и за милую душу могли опустошить запасы винных подвалов и продуктовых кладовых. Однажды даже я стала свидетельницей того, как милейшая и терпеливейшая Сюзанна ругается на чем свет стоит – оказывается, с визитом к герцогу прибыло семейство из шести родственников – очень дальних, очень бедных, очень нахальных и очень прожорливых. Да, но именно с прибытием этих родственников в замке закрутилась такая история...

Одним из незваной шестерки был восемнадцатилетний троюродный или даже четвероюродный племянник герцога, носивший имя Себастьяно Монтанья, нахальный, высокомерный, заносчивый и требовавший от слуг, чтобы к нему обращались не «синьор», а «мессер», хотя на последнего он никак не тянул. Я подробно опишу его, ибо в моей жизни он сыграл очень интересную роль...

Однажды... Что поделатъ, с этого простого слова начинаются порой самые забористые приключения. Так вот, однажды мы с Оливией решили попробовать курить кальян.

Оливию пирогами не корми, а дай узнать что-то новое и желательно запретное. Кальян, а также набор кубков и подносов из чеканного серебра, платки яркой расцветки и большой пестрый ковер на днях привезли герцогу в подарок от какого-то богатого поклонника поэзии из далекого и жаркого Аравийского халифата. Я из прочитанных по географии книг знала, что Аравийский халифат – страна вечной жары, песчаных барханов, смуглых мужчин и женщин, с ног до головы закутанных в черную тафту, ибо так им велит их вера. Хотя я думаю, что вера тут ни при чем, и это причуды вкуса тамошних мужчин.

Подарки – кроме посуды и ковра – оставили в большой библиотеке, поскольку именно там суждено было скапливаться всем диковинам и редкостям, подаренным великому поэту. Оставили – и тут же о них забыли, но Оливия (как, впрочем, и я) обладала великолепной памятью на подобные штуки и шустро поскакала на костылях в библиотеку, так, что я еле за нею поспевала.

Войдя в библиотеку, мы огляделись. Никого. Гости герцога не стремились повысить свой интеллект за счет книжных томов, прекрасный Юлиан (ах-ах-ах!) помогал герцогу переписывать набело страницы очередной поэмы, а значит, нашему предприятию сопутствовал успех свыше.

Аравийские дары лежали на низеньком столике из черного дерева. Для очистки совести мы сначала порассматривали узоры на шелковых платках и поудивлялись на черный наряд, который должно было носить истинной аравийке, а потом наши любопытные руки потянулись к продолговатой коробке с надписью на языке этой жаркой страны.

– А вдруг тут не кальян? – спросила я Оливию. – Вдруг тут скорпионы или змеи?

– На какого дрына посылать их моему папаше? – хмыкнула Оливия.

– Ну, чтобы погубить великого поэта. Как ты не понимаешь! Наверняка у него есть враги и завистники. Помнишь, была в древней стране фараонов прекрасная царица Клеопудра? Ей соперница велела сунуть руку в корзинку со змеями! Правда, потом выяснилось, что змеи были дохлые, но все равно неприятно...

– Успокойся, – презрительно отмахнулась Оливия. – Я умею немного читать по-аравийски. Тут написано что-то вроде: «Благословенное устройство, с которым можно узреть сады гуппи».

– Гуппи? – удивилась я. – Это ж вроде рыбки такие, махонькие. Их для красоты держат в больших стеклянных вазах.

– Ну, не знаю, – отмахнулась Оливия. – Может, аравийцам с их пустынным климатом за счастье узреть сады и рыбок в вазах. А может, это вообще подводные сады. И там можно плавать вместе с гуппи. Хватит болтать! Я открываю коробку!

Мы затаили дыхание. Оливия отогнула зажимы и сняла крышку. Под ней оказался слой шелковой ткани. Сбросив и его, мы узрели набор лакированных палочек, небольшой стеклянный сосудик с носиком и...

– Ой, змея! – пискнула ваша покорная слуга.

– Дура, – оценила мой писк беспощадная Оливия и потянула из коробки длинный и гибкий... – Это каучуковый шланг. Видишь, внутри он полый. Значит, он соединяет что-то с чем-то, и нам только осталось выяснить, что и с чем. Ты когда-нибудь собирала кальяны?

– В аббатстве Святого Сердца они не были в употреблении, – хихикнула я. – Смотри, тут еще коробочка с надписью, причем на нескольких языках, даже на нашем: «Волшебная трава». А вот еще сосудик, и на нем написано «Волшебная вода».

– Как же он собирается? – задумчиво вертела в руках шланг Оливия.

– Тут наверняка должна быть инструкция. Ага, вот смотри, целый свиток! Тоже на нескольких языках.

– Читай, что написано.

– О, вот. «О, плешивый неверный! Если ты желаешь воспользоваться Благословенным Кальяном и попасть в сад райских гуппи (смотри, насчет гуппи мы не ошиблись!), то точно соблюдай инструкцию. Прежде всего возьми сосуд А и прикрепи к его верху устройство Б».

– Так, – Оливия явно была сообразительней меня. – Все просто. Это сюда, это – туда, а шланг присобачить сбоку. Что там еще?

– «Разогрей уголь с волшебной травой в чаше Ц и просто добавь волшебной воды в сосуд А. Когда узришь клубы благодатного дыма, возьми в рот шланг Д и равномерно втягивай дым в гортань и выдыхай его маленькими облачками во славу Священной Книги и ее пророка. Соблюдай при этом меры противопожарной безопасности, о неверный пес! Да поразит Единый и Милостивый всякого иноверца!»

– Ух ты! – только и сказала я.

Кальян выглядел, как сказали бы галльцы, «юн де шик». Вода забулькала, и немного запахло волшебными травами.

– Чур, я первая попробую, – заявила Оливия. – Я дочь герцога и вообще...

Я не нашлась, что возразить.

Оливия с некоторой опаской в лице взяла трубку и затянулась. В кальяне забулькало. Надув щеки, Оливия смотрела на меня, как царица Клеопудра на корзинку с дохлыми змеями.

– Вдохни, – посоветовала я.

Она послушалась и тут же разразилась адским кашлем. Почему именно «адским»? Ну, согласно учению святой юстиции, в аду ужасно холодно, просто

сплошные ледники с вмерзшими в них грешниками. А чтобы грешникам было совсем невыносимо, они постоянно болеют простудой, кашляют, чихают, заливаются слезами и соплями. А в самом последнем круге ада, говорят, еще и снег заставляют чистить, а он постоянно сыплется. Ну, это для особо неблагочестивых. Так вот, Оливия кашляла, как тот самый грешник.

Я похлопала ее по спине и взяла трубку.

– Будем следовать инструкции, – сказала я и втянула в рот горьковато-сладкий дым. Вдохнула. Легкие наполнились сплошным безобразием, и я тоже приобщилась к обществу простуженных грешников.

– Это по первости, дальше привыкнем, – сипло сказала Оливия. – Давай еще по паре затяжек.

– Может, хватит?

– Я хочу в райский сад с гуппи, – капризно сказала Оливия. – Я дочь герцога, мне можно!

Ну, сад так сад, гуппи так гуппи.

Мы по очереди принялись жадно затягиваться волшебным дымом.

– Ой, – сказала вдруг Оливия.

– Что?

– Никогда бы не подумала, что пальма в углу библиотеки может так классно цвести! Зацени!

– Оливия, там нет никакой пальмы.

– Протри глаза! Это самая настоящая пальма, веернолистная, классическое название – «пальмум суперпуперум». Растет... Да, растет по преимуществу в библиотеке моего отца...

– Дрын мне в зад, если я вижу там пальму! Оливия, там настоящая мраморная беседка. И в ней сидят гуппи! О, я узрела райских гуппи!

– Дура обкуренная, как рыбки могут сидеть?

– Не-не-не! Волшебная трава открыла мне истину: гуппи – это не рыбки! Это такие де-е-евушки...

– Да ладно!

– Присмотрись сама. Вместо ног у них хвосты. А вместо груди две здоровенные ракушки. И от них жутко воняет рыбой! Фу! А ты все пальмы, пальмы... Да, надо еще затянуться... Первая справа гуппи в таком классном розовом... э-э, наряде на голове. И у нее розовая сумочка. Она мне улыбается!

– Кто, сумочка?!

– Сумочка – это само собой, мне еще улыбается прекрасная гуппи.

– Дай-ка я затянусь покрепче. Я хочу, чтобы это лето не кончалось, и мне тоже улыбались гуппи.

– А при чем здесь лето?

– К слову пришлось. Ф-фух... О да! Слушай, компань-пань-онка, с чего ты взяла, что гуппи – это женщины?

– А?!

– Это же нормальные мужики с жабрами и здоровенной чешуей на... хм, ногах.

– У них есть ноги?

– У них все есть. Они даже одеты по моде жителей Древней Старты: юбочка из водорослей, белые носки, и поверх носков – каучуковые сандалии. Ты же знаешь – в Древней Старте были очень суровые нравы, и там все мужчины были обязаны

носить носки и сандалии, кто не соглашался – падал со скалы...

– И превращался в гуппи... Ой!

– Что?

– Герцогиня, я даже не знаю, как сказать.

– Да говори уже!

– Все пропало.

– Что «все»?

– Ну, беседка, пальмы, стены. Слуш-те, мы это, посреди моря на маленьком и очень необитаемом острове!

– Как он может быть необитаемым, если на нем мы? Где твоя логика, тупая ты коза?...

– Я не коза! Я не блею и не даю молока! Логично? Да! Так что и с логикой у меня все в порядке! И оставьте нас в покое с моим кальяном, герцогиня! Мы х-тим спать и видеть сны.

– Не спи, замерзнешь! Разве ты не поняла?! Это не остров, это огромная льдина! Мы в Северном океане! Смотри – прямо по курсу черная точка!

– Она приближается! Это корабль!

– Это не просто корабль! Это «Ботаник»! Он сейчас врежется в нашу льдину, получит пробоину и затонет!

– О нет! Эта история всегда разрывала мне сердце!

– Потому что там была дурацкая несчастная любовь?

– Нет, потому что на «Ботанике» везли сто тысяч фунтов золота и алмазов, и все это сгнуло в пучине морской! Мы должны помешать крушению, тогда золото и алмазы будут наши!

– А прекрасный художник Леонардо Ди Ванчик влюбится в меня, а не в эту дуру с корабля! Раздувай кальян! Мы будем сигналить им дымом из наших ртов! Давай!

Мы очень добросовестно сигналили легендарному трехмачтовому баркасу «Ботаник», так что он в нас не врезался. Врезались мы. В стену. Мы не договорились с Оливией, что это будет за стена и откуда она взялась на нашем боевом и полном приключений пути, но, ощупав стену как следует, я поняла, что это ноги.

– Исцелитель, твоя воля! – сказали ноги. – Да эти зассыхи обкурились!

– Да как вы смеете! – тут же заорала Оливия. – Я не зассыха, а герцогиня крови! Я вызываю вас на ду-ду-ду...

– Так, – сказали ноги. – Мне нужна помощь Фигаро.

Мне почему-то стало смешно.

– Фигаро! – запела я баритональным басом. – Ди квалита! Ди квалита!!! Дульче коза чи респоза! Экселенс! Пэр фаворе еще затяжечку!

Дальше я ничего не помню. Я начала осознавать реальность некоторое время спустя, и реальность предстала мне в виде медного корыта, доверху наполненного ледяной водой и мной. Общество ледяной воды я нашла крайне неприятным, о чем и не преминула немедленно заявить громкими, душераздирающими криками.

– А ну тихо! – услышала я крайне суровый голос. – Сидеть! Куда из ванны!

– Мне холодно! – запищала я. – Сюзанна! К чему эти муки?

– Ах вы, дрянная девчонка! Молчите и терпите, пока не придете в себя окончательно! Вы накурились всякой гадости, так извольте теперь терпеть мое

водолечение!

– Ой... – только и простонала я и погрузилась в корыто с головой, ибо та начала немилосердно болеть.

Однако ледяная вода в сочетании с кислящим ревеновым взваром, влитым в меня госпожой Сюзанной, сделали свое благородное дело. Я пришла в себя. Голова болела, но уже не настолько сильно, чтобы я хотела разбить ее о ближайшую стену. Сознанию же было безнадежно стыдно, но не потому, что я накурилась, как бычок в томате, а потому, что меня на этом застукали в самом неприглядном виде.

– Больше никогда, – выдохнула я в трезвеющее пространство.

– То-то же, – сказала пространство голосом госпожи Сюзанны. – Давайте-ка, я помогу вам вылезти из ванны. Вот, закутайтесь в полотенце, я его нагрела перед камином. Так, ну смелее. Немудрено, что вы шатаетесь, как пьяный матрос на побывке. Садитесь вот сюда. Я приготовила вам целебный напиток – в Яшмовой империи его называют драконовым чаем. Пейте, не обращая внимания на горечь, – сразу станет легче: и согреетесь, и голова перестанет болеть.

После третьего глотка горячего и нестерпимо горького «чая» я ожила и приободрилась настолько, что смогла понять, где нахожусь. Это была моя комната. На комодѣ стоял подсвечник с зажженными свечами, окно было занавешено.

– Который час? – поинтересовалась я.

– Скоро семь пополудни. Госпожа Оливия и вы не явились к обеду! Слава Исцелителю, что экселенс в отъезде и ваше отсутствие взволновало лишь мессера Фигаро и меня! Мы немедленно принялись вас искать, и если бы не мальчишка Монтанья...

– Кто?

– Родственник герцога, Себастьяно Монтанья. Он посоветовал искать вас в библиотеке, и при этом его физиономия была насмешливой, как у рыночного

вора! Ставлю свою будущую пенсию, что прежде он наслаждался созерцанием двух обкурившихся...

– Зассых, – немедленно всплыло в памяти нужное наименование.

– Совершенно верно. Надеюсь, в этом негоднике достаточно порядочности, чтобы не доводить до ушей герцога и прочих замковых жителей это прискорбное происшествие.

– Это я сомневаюсь... А Оливия у себя?

– Да, но ей пришлось потяжелее, чем тебе, детка. На ужин она получит только овсянку и ревеневую настойку, и завтрашний день ей лучше провести в постели.

– Я пойду к ней? – полувопросительно глянула я на Сюзанну.

– Само собой. Одевайтесь, сударыня, и выполняйте свои обязанности.

– Сюзанна, прошу вас, будьте со мной на ты.

– Хорошо, так и быть. – Сюзанна улыбнулась. – Что ты хотела бы на ужин?

– Избавиться от тошноты.

– Понятно. Значит, это будет овсянка и взбитые белки. Имей в виду, дорогуша, я еще не до конца пресытилась мщением за такое безобразие, поэтому буду тебя немного терзать.

– Ой, терзайте, только бы голова перестала кружиться.

Сюзанна помогла мне одеться и проводила до дверей комнаты Оливии. Из-за двери раздавались протяжные стоны.

– Бедняжка, – покачала головой Сюзанна. – Прошу, детка, больше не занимайтесь таким безобразием. Это не только вредно для здоровья, но и выглядит так неэстетично! Вы же девушки, а девушкам полагается вести себя

крайне благопристойно. Именно это отличает настоящую девушку от какой-нибудь там лахудры с разбойничьего квартала.

– Какие вы знаете слова – «лахудра», – пробормотала я. – В замке мой тезаурус обогатится просто невероятно. Кстати, отличная рифма: «пудра – лахудра». Надо будет подкинуть герцогу. Пусть напишет «Песнь о лахудре». Анапестом.

Да уж, Сюзанна тоже не просто экономка. Не удивлюсь, если она тоже по выходным пишет сонеты какие-нибудь или триолеты... Поэзия пропитала этот дом насквозь, как чернила – промокашку. Вот только я какая-то непоэтичная. И Оливия, кстати, тоже.

В комнату герцогини я сначала постучалась для приличия, в ответ услышала глухой удар чего-то об дверь, по звуку и силе удара вычислила, что это подушка, и спокойно вошла. За время моего пребывания компаньонкой у Оливии я неплохо изучила некоторые ее повадки. В том числе и швыряние многообразных предметов в дверь. Иногда это были тарелки, вазы, фрукты, книги. Подушки – редко, это означало, что у Оливии совершенно отвратительное настроение и она устала бороться с жестокостью окружающего мира.

Окружающий мир в лице меня вошел в ее комнату.

– Приветствую вас, экселенса, – церемонно поклонилась я, быстренько передвигаясь за кресло у камина. Между прочим, это тот еще талант – одновременно прятаться за креслом и почтительно кланяться.

– Уйди, зараза, – простонала Оливия. – Ой, как мне плохо!

– Мне помог крепкий и горький чай. Отрава на кошачьих какашках. Думаю, это он сервирован на вашем столике.

– С чего это ты мне выкаешь?

– Мало ли. Все-таки мы так накурились...

– Что это произвело необратимые изменения в моем сознании. Чушь. Я бы еще курнула. Гуппи были классные. И «Ботаник».

– Оливия, ты неисправима.

– Уж само собой. Налей мне чаю.

– С удовольствием.

– Мышьяк сегодня не клади.

– Я его никогда не кладу!

– Уж будто ты не хочешь отравить прямую наследницу рода Монтессори, выйти замуж за моего безутешного папочку и стать полноправной хозяйкой поместья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/pervuhina_nadezhda/princessa-s-durnoy-reputaciey

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)